

Дарья Гущина

Забытые 2:
Тишина взаимы

16+

Дарья Гущина
Забытые-2: Тишина взаймы
Серия «Забытые», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66849083

SelfPub; 2022

Аннотация

Колдовская зима набирает силу. Тени прошлого обретают очертания и становятся всё ближе. Живее. И страшнее. Вскрываются древние кладовые, полные тёмной силы. Появляются люди, чья цель – вернуть Забытых. Сердце, центральный город Серединной равнины, уничтожен в первый день зимы. Мир призывает на помощь безлетных, чтобы выиграть время для своих помощников.

Пользуясь случаем, Верна изучает останки Сердца. И находит доказательства существования третьей силы. Той, что некогда остановила Забытых и дала миру время набраться сил – время тишины. И сила эта готова вернуться вслед за Забытыми.

Вторая книга цикла.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Незабываемые сказки	10
Глава 2. Мёртвое Сердце	46
Глава 3. Пепел силы	81
Глава 4. Чёрная метель	116
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Дарья Гущина

Забытые-2: Тишина взаймы

*Тишина – единственный простор,
где дух расправляет крылья.*

Антуан де Сент-Экзюпери «Цитадель»

Пролог

Дремень оправдывал своё прозвище – он дремал, привалившись спиной к стене. Над вечно сонным знающим подшучивали все кому не лень, но Дремень не обращал на это внимания.

– Сон, – говаривал он со знанием дела, – это не только усталость тела, но и состояние души. И если она устала, надо дать ей как следует выспаться. Хуже не будет. Лучше – тем более.

С низкого потолка сползали корни, с щербатых стен – пыльная паутина, а пол местами сочился гнилью. Древний коридор – узкий, тесный, хлипкий, того и гляди обвалится. Дышать тяжело – спёртый воздух требовал нескольких вдохов вместо одного и свербел в носу. Но Дремень и на это не обращал ни малейшего внимания.

Он спал. И писал во сне.

Народы Шамира считали всех пишущих одинаковыми – создателями туманных пророчеств, которые к тому же не всегда сбываются или сбываются, но вкривь да вкось. Пишущих это вполне устраивало – иные свои тайны они не раскрывали даже сородичам. Они тщательно хранили их в кругу семьи, развивали, укрепляли. И замалчивали.

И оказалось, не зря.

Вспоминая забытое прошлое, многие опытные пищущие узнавали в беде, нагрянувшей на Шамир, почерк своего народа. И с тех пор тайны прятались пуще прежнего, даже в семье не каждому доверяемые.

Дар внутри дара, между собой называли одну из своих главных тайн пищущие. Чары внутри чар. И путь внутри пути – свой для себя, у тех, кто не ленится работать с чарами не только так, как научил Шамир, но и как душа требует.

Так род Мирны научился создавать внутри общего для всех пути пищущего собственный, вписывая себя и свою семью во всевозможные предсказания, от незначительных до великих.

Так род Дремня исстари создавал предсказания с помощью снов, когда писать и тратить кровь было без надобности. На место каждого слова, каждой связки приходил образ, и Дремень сначала складывал из них картинку, а потом из череды картинок – пророчество. Которое, впрочем, как у всех пищущих иногда не сбывалось вообще, а иногда – вкривь да вкось.

Но любому пищущему не это важно (хотя народы старой крови давно убеждены в обратном). Строя новый дом на фундаменте истории и знаниях прошлого, пищущие не всегда понимали, что в итоге получится – не то лачуга, не то величественный замок, не то крохотный острог, не то большой город. Важно было, чтобы строение не рассыпалось.

Искры погибали от злоупотребления силой без своей за-

щитной песни. А пишущих убивали обломки неверно выстроенных пророчеств. Потому – да! – важно, чтобы оно не рассыпалось. Поэтому (хотя народы старой крови, опять же, навсегда убеждены в обратном) писали пишущие примерно так же часто, как говорящие говорили. То есть как можно реже. И хорошо, если вообще повода не было.

Но нынче такое время...

Дремень почти закончил, когда стена за его спиной нагрелась, а по коридору медленно пополз удушливый жар. Быстро добавив в картину последний образ, он проснулся и вскочил на ноги – и точно не спал. Бодрый, быстрый, внимательный, собранный. Сжал кулак, и сквозь пальцы забили горячие лучи крохотного солнца.

Хватит ли этого? Пишущие, горячая кровь, – третий по силе народ старой крови и отнюдь не боевой. Поэтому – на всякий случай... Он, помедлив, вынул из кармана грязных штанов смятое письмо.

На всякий случай – чары искры. Хотя она усердно пыталась выдать их за осень. В свой рабочий сезон у неё бы получилось. А вне его жар искры просачивался повсюду. И, получив письмо, Дремень отчётливо понял, *кто* скрывается за неприглядными обличьями знающей Осны. Невероятная, канувшая (вроде как) в небытие искра. Боевая раскалённая кровь – и ярость испепеляющего солнца в любых, даже самых простых чарах.

За стеной слышались слабые голоса. Не спи пишущий

постоянно – не развеи он с пелёнок невероятный слух, чтобы просыпаться от любого подозрительного звука, – мог бы и не заметить. Дремень снова прислушался и удивлённо при-свистнул.

– Не то хозяева, не то гости, не то соседи... – пробормотал он.

Нет, скорее всего, соседи. Голоса встревоженные, испуганные. Да ещё и этот красноречивый жар...

Его чары стену не взяли, но искра – это сила. Пишущий берёг её до поры до времени, и сейчас чутьё подсказывало: пора. Он развернул измятое письмо, на котором искрилась единственная руна. Ещё две, помогающие, Дремень уже использовал, а последнюю, разрушительные осенние чары с каплей жгучего летнего солнца, придерживал. И, да, пользуясь подходящим подземельем и одиночеством, хладнокровно спал и делал свои дела. До выяснения причин заточения. Которого теперь нет смысла ждать.

Дремень положил клочок бумаги на ладонь так, чтобы она оказалась посередине, добавил своих чар и с размаху прижал руну к стене.

Одновременно с этим случилось ещё несколько событий. С той стороны стены «соседи» тоже использовали нечто подобное, разрушительное – и каменная кладка попросту испарилась. Превратилась в пепельное облако.

Источник жара подал голос – визгливый, разочарованный и, показалось, отчего-то обиженный. В лучших чувствах.

Потолок опасно дрогнул, предупредительно уронив пару камней.

Но за вдох-выдох «до» Дремень услышал отчётливое и властное:

– Ты нас не тронешь, тварь!

И камни – все камни, включая потолочные – подземелья тоже превратились в душное облако пепла. Причём безо всяких чар.

Пишущий довольно зажмурился и улыбнулся: его сон сбывался быстрее, чем планировалось, и так ярко...

Шамир, спасибо... Ты всё-таки рискнул выступить против тех, кто волнами накатывает на Обжитые земли из пределов Забытых. И ты дашь нам, старой крови, немного времени – вспомнить, узнать, понять, договориться и приготовиться. Укроешь ненадолго от невзгод, как птица-мать укрывает мощным крылом своё гнездо.

Хотя бы сезон затишья – без бед, противных случайностей и прочего отвлекающего. И тишины. Взаймы.

Ты знаешь, Шамир, мы – благодарные дети. И мы всё, до мгновения добра и спокойствия, тебе вернём. Сторицей.

Глава 1. Незабытые сказки

– Ось, приехали!

Я тряхнула головой, просыпаясь.

Дремень стоял перед глазами, будто в санях напротив сидел. Чёрные волосы колтуном, неопрятная небритость, расслабленный тёмно-зелёный взгляд, улыбка облегчения. В отличие от нас он вообще никогда не менял обличья – как врос в одно после Гиблой тропы, так и ходил в нём по сей день.

Так вот где ты застрял, пройдоха... И ни к тебе, ни к Дорогу спешить теперь нужды нет. Ты их обоих вытащишь из-под обломков бывшей западни – и старший, и опытный, и знающий. Вытащишь и отведёшь в безопасное место. А дыхания Зноя, полагаю, больше нет. И я так опростоволосилась с помогающими чарами – и Дорог, конечно, меня сразу раскусил...

– Ось!

Я неловко выбралась из саней и поняла, что тоже улыбаюсь – и тоже от облегчения.

Шамир рискнул – и добавил нам помощи в виде новых старых безлетных, и этот шаг, отчаянный и непредсказуемый, должен заставить любителей великих дел пересмотреть свои планы. Что даст нам немного свободного времени.

Оправдан ли риск? Не знаю. С одной стороны, Уводящих

на Тропе станет на порядок меньше (а откуда ещё Шамиру взять безлетных?), умершие будут застревать и здесь, и там, и ничего хорошего в этом нет. И ещё одна опасность – это Стужа. Новая Стужа. Ведь доступных безлетных среди нас немного, едва ли хватило бы на новую Стужу. А теперь...

Будем стараться, чтобы риск оправдался. Я точно костыми лягу.

– Ось, ну чего ты там?

Я снова трянула головой.

Мы же приехали, да. Хотя вокруг – всё та же бесконечная снежная равнина. А кладовые знающих – сокрыты. Но Зим уже нашёл невидимую дверь и нетерпеливо покрикивал на всех нас, поторапливая.

Я попрыгала по снегу, разминаясь, и потопала к знающему. А из головы не шло: *«Искры погибали от злоупотребления силой без своей защитной песни»*. Откуда он знает?.. Откуда помнит?.. Мы потеряли память о песне, а вот пишущие это знание каким-то образом сохранили.

Надо найти Дремня и пообщаться. Вдруг он ещё что-нибудь полезное про нас помнит. Всё-таки старая кровь – древний народ. У которого тоже есть собственные кладовые знаний и умение тщательно беречь тайны. И не только свои.

«...без защитной песни...»

И не она ли уберегла меня от зверя Стужи? Да, запела я поздновато, но песня ожила во мне задолго до встречи со зверем. Так что...

– Ося!!!

Норов уже исчез в «дверном проёме» – туманном сгустке, а следом за ним, бодро таща сани, юркнул ездовой пёс. А мне так хотелось побродить в одиночестве и подумать...

– Иду, – буркнула я, ускоряясь.

За туманной дверью властвовала осень – чудесная пора самого её начала, когда воздух ещё хранил летнее тепло, зелень не пожухла, цветы не увяли, а в древесной листве едва-едва проступали золотые пятна. Травна – говорящая, старая кровь осени – предпочитала жить и работать в родной обстановке любимого времени года, не скрываясь.

Высокий холм в золотой траве и ярких красно-жёлтых цветах, утоптанная тропа, а наверху – небольшой уютный домик в багряном плюще. А над ним – ласковое солнце, бесконечное голубое небо и плакучие ветви старых берёз. И так пахло осенью – тёплой, прозрачной, солнечной... И вроде бы зима только началась – а мне уже чудилось, что она длится вечно.

Норов восторженно вертел головой, распряжённый пёс разлёгся на траве, а Зим, снова недовольно и нетерпеливо, ждал меня.

– Чего копаешься? – проворчал хмуро.

– А ты куда-то торопишься? – я подняла брови, растёгивая шубку. – Работа горит? Вчера, удирая из Ярмарочного, ты о ней и не вспоминал. Выдохни, Зим. Мне надо подумать. И Травне – тоже. Она, конечно, наверняка меня ждала... Од-

нако мы в гостях. Не забывай. А старая кровь не любит торопливости в важных делах. Чего ты так нервничаешь?

– Есть хочу, – признался знающий честно.

Точно, хладнокровный же. И, поди, сутки без еды, если не больше.

– За мной.

Да, Травна уже ждала нас наверху в облике сухонькой старушки. Конечно, она видела волшебный звездопад, и её янтарно-солнечные глаза горели возбуждением – и диким желанием поговорить. Травну распирало от слов, которые она мечтала произнести – от обычных слов, без чар. Но могла лишь выразительно смотреть. И, казалось, даже воздух вокруг говорящей звенел от напряжения, а ветер шелестел в листьях очень красноречиво – словно тоже пытаясь что-то сказать.

И я неожиданно уловила это невысказанное – как песню. Как ту песню без слов, что тянул рабочий люд, убирая снег. И в её мотиве было столько намешано – и радости, и страха, и предвкушения, и тревоги...

– Здравствуй, – мягко сказала я. – Да, мы всё видели. И, да, я знаю, что это было. Напоишь чаем?

Норов, когда мы ушли, воровато огляделся и достал из саней котелок, рогатины, щепу и кое-какие харчи. А воды ему пёс притащит в виде снега быстро – «дверь»-то осталась приоткрытой. Можно не торопиться. Пусть греется. До тепла ещё далеко.

Травна вздохнула, стараясь успокоиться, и её едва не перекосило от вынужденного молчания. Я сочувственно покивала. Зим – тоже, на всякий случай. Говорящая длинно выдохнула и, развернувшись, устремила к открытой двери – бодро и быстро, ломая старческий образ.

– Почему она... такая? – прошептал Зим. – Ну... странная?

– Она же говорящая, – тихо напомнила я. – Им природой не положено вещать без повода, а знаешь как хочется? Примерно так же, как тебе узнать все тайны моего народа и Шамира заодно.

Знающий понятливо крикнул, и мы последовали за Травной.

А из домика уже тянуло чем-то вкусным – терпко-сладким, яблочко-медовым с каплей горчинки.

И ждала нас не только говорящая.

Дверь в дом оказалась входом на крытую, увитую плющом веранду. Плетёные стол и кресла, солнечные пятна на дощатом полу, дверной проём, полуприкрытый занавеской. А за столом в обществе большой чашки и румяных оладий с мёдом сидела Снежна – наставительница Зима. Тонкая, сухая, подтянутая, в длинном сером платье с расшнурованным воротом. Строгие светло-зелёные глаза на бледном лице смотрели устало и упрямо.

Я невольно замерла на пороге. Зим за моей спиной тоже. А Снежна поставила чашку на стол и поморщилась:

– Прекратите. Оба. Будто дети малые, нашкодившие... И будто бы я ругаться собираюсь... Не собираюсь. Садитесь. Оба.

Мы тихо и послушно сели, и я сразу же сняла шубу и разулась. Травна вынесла из дома поднос с чаем и завтраком. Расставила чашки-тарелки, унесла поднос и быстро вернулась, молча устроившись за столом.

– Итак, – Снежна сделала крошечный глоток и остроглянула на меня поверх чашки. – Искра, не так ли?

– Среди четырёх человек не спрячешься, не так ли? – проворчала я досадливо, вытирая руки влажным полотенцем.

– Верно, – она вдруг улыбнулась – тонко, уголками губ и прищуром глаз. – Своих по крови я чувствую – и это Дремень. А для говорящей ты слишком болтлива. Я давно поняла, – и посмотрела на замершего Зима: – Ешь давай. Хватит стесняться. И краснеть. Да, я здесь, потому что ты здесь. Умею находить своих и следить за ними. Потому что, Зим. Но не из-за тебя.

Светлые глаза не мигая уставились на меня:

– У меня есть вопросы, Осна. У тебя тоже. Начинай.

Я неспешно утянула с общего блюда пару оладышек на потом, обняла ладонями тёплые бока кружки, вдохнула сладковатый запах и прямо посмотрела на Снежну:

– Случайно ли ты оказалась рядом с Тихной и Гордой? И знала ли о том, что они – без благословения Шамира? Что вообще есть такие знающие, которых не Шамир создает, а

пишущие, говорящие и некий... скажем так, чучельник?

Снежна прищурилась.

– Как ты нашла Тихну и Горду? – повторила я резковато. – Они появились с помощью пишущего. Я просматривала память Тихны после её смерти и видела чужую подпись кровью на Гиблой тропе.

– После смерти... – медленно повторила наставительница Зима, а оный поперхнулся оладышком. – Просматривала память... Не маловата ли ты для таких дел?

– У памяти нет возраста, – сухо сообщила я, понимая, что она уже начала получать ответы на свои вопросы. – У помнящих – тоже.

Зим снова поперхнулся и приник к своей кружке.

– Допустим, я гуляла, – Снежна откинулась на спинку кресла.

– Это одна правда, – согласилась я. – А вторая?

И стоит ли ей знать, что случилось с тем пишущим, который сотворил и Тихну с Гордой... и меня?

– Я ощутила чары своего, – Снежна устало ссутулилась, – кто-то из пишущих работал, и я не понимала, что за чары он использует. Я очень торопилась, Осна. Но опоздала. Когда примчалась на место, там были лишь две насмерть перепуганные девицы, помеченные Гиблой тропой и чарами зимы. Я так его и не поймала. А ты?

Не в бровь, а в глаз...

– Поймала, – не стала врать я. – Но он оказался с запу-

щенной «воронкой». Знаешь, что это?

Она невесело кивнула.

– А как много ты вообще знаешь? Из прошлой жизни? – я напряглась. – Как много помнишь? И чувствуешь ли до сих пор ненормальный холод?

Быстрый пронизательный взгляд, и Снежна сухо ответила, начиная с конца:

– Нет. Да. Много. Не забывай, я тоже старая кровь. У нас сильная сопротивляемость Гиблой тропе, и памяти после больше. И как знающая я намного старше тебя. Ты вспоминаешь каждый день, и я вспоминала, – тяжёлая пауза, и горькое: – И я знаю о вернувшихся, Осна. О тех, кто был до знающих и перед Забытыми. И о том, что значит внезапное появление «странных людей». Тихна с Гордой не нравились мне изначально, но что с ними было не так, я сразу понять не смогла. Через год-другой заметила бы, конечно... Но они сбежали. И очень ловко спрятались. Ты обеих нашла?

– Да, – я поморщилась.

– И надо полагать, в мире живых их больше нет? – Снежна тихо хмыкнула.

– Не оставляй врага за спиной, – я пожала плечами. – И вынь из него всё, что сможешь. Тихна рассказала много полезного. Горда не захотела. Их прошлое важно?

Травна жадно внимала, подавшись вперёд. Зим осторожно поедал олады, казался учеником, тайно проникшим на важное совещание наставителей, и явно опасался, что его

вот-вот отсюда попросят. И тихо, незаметной серой тенью проскользнул на веранду ездовой пёс, устроившись у порога. Ну вот, все народы Шамира в сборе, от древнего паразита и безлетного до хладнокровного... И Шамир, конечно, тоже неподалёку. И, конечно же, он всё это и провернул.

– Важно, – подтвердила Снежна и снова взялась за чашку. – Расскажи всё... что можно. Я понимаю, у тебя свои запреты... как и у нас. Но прежде всего, Осна. Веришь ли ты мне?

Я склонила голову набок. Я плохо распознавала ложь, зато её отлично чувствовала Вёртка. И она сделала однозначный вывод.

– Да, – я улыбнулась. – Верю. И прошу пока сохранить в тайне от Мудрых то, что я сейчас расскажу. Это только для старой крови. Всё началось, когда я приехала в Солнечную долину – в город Солнцедивный. Ой, нет, – спохватилась, – всё началось два года назад, когда твой подопечный Зим обнаружил в Солнечной долине отражения давно уничтоженного города...

Солнцедивный – отражения – убийство старой крови – Мирна – Тихна.

Солнцеясный – наледь – летник Виден – дыхание Стужи – удравшая Горда.

«Потеряшка» и следы Забытых в долине.

Холмистый и тень-на-снегу. Исчезнувший Дорог. Разбуженное (по некоторым сведениям) дыхание Зноя.

Память Тихны и замешанные (и замаранные по самое не могу) старокровные. Предсказание Мирны и Дорога.

Заречный – зверь Стужи – снежные паразиты – недознающие, владеющие древними чарами. (А о появлении Силеня никому знать не нужно, да.)

Хутор – вестники – подозрения насчёт городов с владельцами и старых кладовых Забытых. Они продвинулись гораздо дальше той горной гряды, что отделяла Обжитые земли от пределов Забытых.

Ярмарочный – душа искры взаперти – Горда и предатель-пишущий. (А о клятвенном обещании убить Стужу, как и о том, что я – тоже «недо-», знать необязательно. Последнее вообще опасно: заподозрят в причастности – ввек не отмоешься.)

Активность Шамира – помощь в дороге – безлетные звездопадом. Мир не останется в стороне – не в этот раз. Уверена.

Дремень, Дорог и Нема. Выберутся.

Старая кровь напряжённо внимала, Зим, отложив олады, тоже. Чай давно закончился, солнечные пятна почти исчезли, указывая на полдень, а я всё говорила и говорила до хрипоты. Конечно, они что-то знали – своё, добытое из собственных источников. Однако нам давно пора объединить не только силы, но и знания со сведениями – как древние, как и недавние.

– И теперь, – я обвела взглядом всех, включая пса, – я

хочу услышать ваши сказки о Забытых и ваше мнение о том, что происходит. И о том, чего нам ждать. А особенно меня интересует, что случилось два года назад, до отражений.

Травна молча встала из-за стола и убежала в дом. Явно за сведениями. Снежна не торопилась говорить: откинувшись в кресле и скрестив руки на груди, она думала-думала-думала, хмуро глядя в пустоту перед собой. А вот у Зима всё чесалось заговорить – он так и искрил идеями и догадками. Пёс, казалось, дремал, положив косматую голову на передние лапы.

Я порылась в сумке и достала мешочек.

– От Дремня, – пояснила, положив его на стол. – Думаю, это не мне послание, а кому-то из пишущих.

Снежна очнулась от дум, развязала мешочек, отодвинулась от стола и высыпала содержимое себе на колени. Неопрятные огрызки зависли в воздухе. Пишущая пошевелила пальцами, будто разминая их, и огрызки закружили, перемешались, коротко вспыхнули солнечными зайчиками, и вместо них в воздухе повисли буквы. Ещё одно движение рукой – и буквы сложились в слова, которые смогла прочитать даже я.

– Без четверти весна... – медленно протянула я. – Это что, какой-то срок?

...а ведь в пишущей даже в разгар рабочего сезона остаются крупницы былой силы для работы, тогда как у меня осень перекрывает искру полностью... Вероятно, этого оттого, что

она старше и опытнее меня. И либо давно нашупала лазейки для мелкой работы... либо имеет артефакт вроде моего дымника. Либо всё вместе плюс что-нибудь ещё.

– Думаю, – Снежна вернула буквы в мешочек, – это граница. Время затишья. Те, кто ведёт Забытых, затаятся до этого времени. А когда зима подойдёт к концу – когда будет без четверти весна... – она снова устало ссутулилась в кресле. – Что-то случится. Что-то снова начнётся.

...или продолжится.

– Её трудно будет определить – эту границу, – я нахмурилась. – Зима началась слишком рано – и начнётся ли весна в своё время? И когда оно случится, то время, – по людскому календарю или минус те десять дней ранней зимы?..

– Не знаю, Осна, – развела руками Снежна. – Будем наблюдать. Следить за тенями Забытых. А они проявят себя обязательно, так или иначе.

Вернулась Травна. Сначала – с кипой старых и пыльных бумаг. Потом, снова сбегав в дом, с новым подносом. И, разлив по чашкам чай, она села за стол, взялась за чистый лист и начала исступлённо что-то писать.

Повисло молчание. Недолгое.

– Можно, я скажу? – не выдержал Зим.

– Конечно, – пишущая внимательно посмотрела на бывшего ученика. – Мы не запрещаем. Свежий взгляд всегда полезен.

– Ося рассказала, что Забытые охотились за старой кро-

вью, – быстрый взгляд в мою сторону. – Я всё думаю: зачем? Куда им столько силы? Если бы они были стихийным порождением Шамира... то они и действовали бы стихийно. Стужа, наш лютый мороз, возникает стихийно и убивает тоже стихийно, то есть всех подряд. А раз Забытые действовали избирательно, то они точно созданы с какой-то целью. Старая кровь никому не мешала и жила мирно. Стало быть, уничтожать её смысла никакого нет. То есть она – это просто... питание. И постоянное усиление. Чтобы продержаться как можно дольше и достичь этой самой цели.

Знающий перевёл дух, бегло оглядел озадаченных нас, убедился, что его воспринимают всерьёз, и задал очень правильный вопрос:

– К чему они всё-таки шли? Что у Шамира ещё есть такого... ценного?

Мы со Снежной переглянулись. Травна нахмурилась и вновь взялась что-то шустро строчить на новом листе бумаги.

– Загадка, Зим, – тяжело призналась Снежна. – Думается, кроме силы старой крови, следующая ценность... это Шамир. Живая душа мира и её созидаящая сила.

– А если кто-то возомнил себя... – Зим запнулся. – Ну, равным ему? Создал одного вернувшегося, второго... И решил, что теперь тоже может творить наравне с ним – тех, кто ему нужен? Так ведь можно все народности Шамира перекрыть на свой лад. Для своих целей.

Пёс, не открывая глаз, насмешливо фыркнул.

– Бредово, – поддержала я.

– Странно... – задумалась Снежна.

А Травна подняла бумажный лист, на котором в поддержке знающего было крупно выведено: «Но он же повторяет за ним!»

– Вот! – улыбнулся Зим. – Помнишь, Ось, я предположил, что создатель Забытых – это самый первый в мире знающий? И наверняка у него не было, как у нас, цели служить Шамиру. Он просто появился. Просто мир счёл его ценным и полезным. Или...

– Или первым подходящим подопытным, – кивнула Снежна. – Да, мы тоже думали об этом. По сути, у Шамира получился лишь последний народ – люди. У старой же крови сплошные проблемы. Говорящие не могут говорить, пишушие не умеют писать, безлетные ненавидят жизнь, а искры горят – извини, Осна – как сухие дрова, из-за любого пустяка. Если он не оставил эту идею – создать наконец народ, который мог бы пользоваться данной ему силой без ущерба для себя, постоянно, а не раз-два в жизнь, как мы... Вот только у подопытного появились свои планы и на себя, и на новый народ. И старшие пишушие полагают, что первый знающий был вроде нас. Старой крови.

– Почему? – я вздрогнула. А память, оживившись, тут же услужливо подкинула подсказку.

«Мы все помогали. Давно. Кто-то из интереса, кто-то из

страха, кто-то... просто так. Чтобы ощущать себя нужным. Чтобы найти наконец применение своей странной силе», – признался пишуший из Ярмарочного перед смертью.

Сможет ли хладнокровный напугать старую кровь и узнать её слабые места, чтобы заставить работать на себя? Нет. К сожалению, нет. Человек-знающий, особенно на первых порах, будет заметно слабее старой крови. И о наших сложностях не догадается никогда. То есть неизвестный чучельник, творящий «недо-», – старая кровь. И все мои постоянные размышления о вине людей, захотевших волшебства, увы, несостоятельны. Почти. Некоторые «недо-» обнаруживали в себе жажду «великих» дел. Но, поди, уже после Тропы.

– Потому что Забытые владели нашими чарами, – у Снежны нашлось иное объяснение. – Мы тоже были в пределах, Осна. Мы видели, что делал Потоп. Кто бы их ещё научил нашему? Только кто-то из нас. А кому обычно раскрывают все секреты мастерства? Только ученику. Вы по Зною этого не заметили?

– Мы не за тем ходили, – нахмурилась я. – И следов Зноя в пределах немного.

А ещё мы очень, очень многое из старых чар забыли. Слишком многое.

– А вот мы ходили как раз за этим. И заметили, и сделали выводы. С хлипким подтверждением... но теперь оно укрепилось. Когда ты рассказала о помощниках из старой крови.

– Кого тогда Шамир мог взять за основу? Кто мог быть первым знающим? – меня аж потрянуло – от острого осознания близкой разгадки. Да так потрянуло, что я поняла – где-то здесь она, потаённая правда.

...и вот отчего мир мучит чувство вины...

– Кого? – повторила я расстроено.

– Да кого угодно, – Снежна поджала губы. – И из нас, и из вас, и даже из безлетных. И достаточно одного, чтобы он подмял под себя самых слабых старокровных.

– Нас – нет, – я качнула головой. – Во-первых, вернувшаяся искра – огромная редкость. Почти невозможность из-за некоторых наших особенностей. А во-вторых, мы бы нашли его, этого первого, в памяти крови.

– Во-первых, ты-то появилась, – улыбнулась пишущая. – А во-вторых, хорошо ли вы, помнящие, помните? – и прозорливо прищурилась.

Травна быстро закивала в знак поддержки. Даже пёс снова фыркнул – и очень серьёзно.

Я смутилась:

– Ну... нет.

– И не зря ли вам *запретили* кое-что помнить? – вкрадчиво добавила она. – Мы ведь тоже многое потеряли, Осна. И ощущаем кое-какие древние, *не свои*, запреты на работу с прошлым. Но, думается, они не идут ни в какое сравнение с вашими.

Да, «островки», будь они прокляты... Вероятно, Снеж-

на права. А Силен сбил меня с толку, чтобы не пугать, не смущать подозрениями или... не знаю. Но не верю, что старейшие искры не разобрались в природе «островков». И напрочь отмели вмешательство искры в создание Забытых. Однако... есть способ убедиться в этом наверняка. Единственный и верный.

– Любой из нас мог стать первым, – повторила она веско. – Любой. Но важно не это. Важно, как мудро заметил Зим, понять, зачем. Это ниточка к тому, как. А от целей, методов и способов – к тому, кто.

И Травна снова подняла исписанный крупно лист: «Найти истоки Забытых?»

– Надо было сделать это раньше... – проворчала Снежна и потянулась к своей чашке. – Но мы так боялись разбудить лихо... Столько лет отдано пустым страхам...

– Время ещё есть, – я без аппетита взялась за оладью. – Я найду.

Пишущая улыбнулась – почти незаметно, уголками губ:

– Самонадеянно.

– Я не одна, – отозвалась сухо. – Меня поведёт тот, кто тоже очень не хочет повторения прошлого. И предлагаю вернуться к началу разговора. Что произошло два года назад? Незадолго до того, когда в Солнечной долине появился уничтоженный город? И Горда с Тихной?

И не только.

Знающие переглянулись, и Снежна озвучила общее мне-

ние:

– Ничего.

– Не может быть, – упёрлась я. – Что-то должно было случиться. Что-то мелкое, незначительное, на что вы не обратили внимание – или не посчитали нужным отметить. Шамир не стал бы волноваться из-за ерунды. А он заволновался.

Травна подняла новую записку: «Поищу».

Пёс одобрительно фыркнул.

– Пожалуйста, – попросила я. – Мой народ далеко отсюда, искры мне ничем не помогут. Да и я сама тогда же... знающей стала. Что-то произошло за сезон или два до появления города-напоминания.

– Мы тебя слышали, – и Снежна сменила тему: – С создателем Забытых мы худо-бедно разобрались и определились. Это кто-то из старой крови, ставший знающим. Следующий момент. Откуда, по-вашему, взялись Забытые?

– Душа старой крови полна силы, – я с болью вспомнила Светлу. – Есть, вероятно, доля истины в том, что нас ловили на пороге Гиблой тропы и каким-то образом иссушали. Правда, я не очень в неё верю – мы с Шамиром всегда были очень близки и уходили к нему быстро. Однако той же силы полно и тело, – и остро глянула на Снежну.

– Гробницы древних, – она поёжилась.

– Мы не всегда горели, как дрова, – я откинулась на спинку кресла. – До Забытых мы жили долго – очень долго. А чем дольше живёшь – тем больше силы. Мама рассказывала, в

древних искрах её скапливалось столько, что тела умерших не истлевали веками. Что и через двести-триста лет мёртвые искрящие в гробницах казались спящими. Недавно и мирно уснувшими, – и решительно тряхнула головой. – Они не могли пройти мимо такой кладовой. Особенно если среди создателей Забытых была искра.

– Хочешь проверить? – Снежна снова поёжилась. – Но ведь со времён Забытых прошли века. Тела могли истлеть.

– Но не все, – возразила я. – И если именно там появился Зной... Я пойму. Следы такого ритуала можно стереть лишь одним способом.

– Тогда в гробнице вообще ничего не останется, – пишущая нахмурилась. – Но что это даст?

– Поймём, замешана ли искра, – встрял Зим. – Из вашей ли крови создан Зной. Или... нет. Или из чего-то ещё. И как-то... иначе.

– Точно, – я кивнула. – Войти в наши гробницы сможет только искра. Как и найти их через память крови. Что говорят ваши сказки, Снежна: сколько пишущих пропало без вести, прежде чем появился весенний Потоп?

По напряжённому лицу Снежны стало понятно, что она – да все они, пишущие – никогда об этом не думали. По лицу Травны – тоже.

– А наши говорят, что мало, – пояснила я. – А Забытые откуда-то взялись. Очень советую вам навестить свои гробницы. И безлетных – тоже. Так мы поймём, где исток. Мы ли

это, старая кровь, – дух или тело. Или всё-таки не мы. Или не во всём мы. Их было четверо, как и народов старой крови, – и мы решили, что Забытых создали из нашей силы. И именно поэтому они так в ней нуждались, каждый в своей, для поддержания жизни... или по иным причинам. И охотились за ней. Но так ли это – на самом деле?

– Кому-то придётся сходить в пределы Забытых, – Снежна поморщилась. – Все гробницы остались там, да так далеко... Рискнёшь? Даже если до них не решался доходить никто прежде?

– Само собой, – кивнула я. – Чего и вам советую. Итак? Ваши сказки и предположения? Откуда Забытые взялись? И куда пропали?

Травна быстро что-то выкопала в свежих записях и протянула Зиму несколько потрёпанных листов. Тот взял, пробежал взглядом по тексту и сухо зачитал:

– Старая кровь была создана, чтобы вобрать в себя разрушительную силу Шамира. Чтобы стужи и потопа не истребляли год от года новую жизнь. Но нас не так много, как надо. Сырой силы у Шамира через край. И он начал создавать ветвь новой крови – людей с холодной кровью и своей силой, чтобы справляться с разрушительными необычностью вроде той же голодной стаи, – и от себя добавил: – Но что-то пошло не так.

– Когда дело касается людей, всё идёт не так, – я посмотрела на Травну: – То есть вы считаете, что Забытые – дело

рук Шамира? Он сотворил – и он же убрал?

Говорящая протянула мне новую записку: «Мы считали. До недавнего времени, пока не заметили признаки новых Забытых. После той катастрофы появились знающие – та самая необходимая ему ветвь новой крови с волшебством. Но Шамир и сам слишком сильно пострадал. Вряд ли он затеял бы новых Забытых. Незачем. И опасно».

– Либо это не новые появляются, а старые. Либо всё-таки Шамир создал, а кто-то понял, как, и теперь повторяет... – задумчиво пробормотала я.

– ...либо изначально не он. И даже первого знающего создал тоже не Шамир, – негромко добавила Снежна. – А кто-то из нас, из старой и новой крови, кому захотелось... перемен.

– И великих дел, – мрачно поддакнула я, вспоминая «старост» Заречного. И откровения пишущего о «найти применение своей странной силе». – То есть вы полагаете, что Шамир вообще ни при чём?

...но ведь он считает себя виноватым – потому что допустил? Позволил свершиться непоправимому?

– Как и вы, мы не уверены, – покачала головой Снежна. – Но одно знаем точно: Шамиру не нужны катастрофы. Он с таким трудом пристроил свою сырую силу к старой крови, а потом решил на создание знающих... Он хочет жить и давать жизнь другим, а не истреблять её. Заметь, Осна, он всему живому даёт возможность существовать – и паразиты

тому примером. Ведь проще уничтожить неудавшийся народ – и на его месте, с учётом ошибок, создать новый, улучшенный. А Шамир вместо этого придумывает, как помочь, – и доверяет паразитов вам. И не создаёт ему замены, хотя мог бы. Он оставляет за народом право жить таким, каким он получился, закрепляет за ним место под своим солнцем. Шамир бы не стал создавать Забытых. Разрушать и отнимать жизнь – против его природы.

– И даже знающие – это тоже попытка сохранить жизнь, – согласилась я. – Не столько создание нового, сколько сохранение старого. Да, ты права.

– Ты тоже, – пишущая опять поёжилась. – Надо изучить гробницы. Надо понять, откуда взялась сила для Забытых. Я скажу своим. Когда ты пойдёшь в пределы?

– Не раньше, чем закончу дела в Обжитых землях и не проверю кое-что, – я покосилась на пса, но тот делал вид, что дремал, положив косматую голову на передние лапы.

Нет, безлетные пока ничего не скажут. Хотя они, как истинные знающие, наверняка *знают*. А может быть... и нет. Уже – нет. Может, и их коснулись потаённые запреты и «островки». И не зря они передали право называться знающими другому народу.

Да и в этом теле – как пёс расскажет?

Однако и в человеческом облике кое-кто остался.

Перед моими глазами встало лицо Добры – служанки в том доме, где я нашла душу искры. Однозначно безлетная.

Она поняла, что я её распознала. И ждёт ли – для разговора?.. Или уже снялась с насиженного места – после звездопада-то? Сама найдёт меня в своё время?..

Повисла тишина.

Травна вновь разлила всем чай. Я наконец доела остывшие оладышки, но больше чтобы отвлечься от тяжёлого разговора. Снежна угрюмо и задумчиво смотрела то на молчаливого пса, то на записи Травны. А Зим поёрзал-поёрзал, словно что-то не давало ему покоя, поискрил...

– А если старая кровь мешала Забытым? – высказался знающий. – Если они не питались вашей силой, а вы просто им мешали? Были препятствием? Могли бы помешать, если бы собрались?

И я сразу вспомнила слова спасённой в Ярмарочном души искры.

«Чем мешает пчелиный улей под крышей дома? – спросила Св е тла. – Лишь тем, что он есть. А его там быть не должно».

...потому что он опасен, да, звучало между строк. А заодно мог быть и пережитком прошлого.

– Зим, – Снежна посмотрела на бывшего ученика и мягко, и одновременно строго. – Ты полагаешь, что мы сами до этого не додумались? И этот вариант мы тоже рассматривали.

– Ну... – знающий смутился. – Тогда... напоминаю.

– В самом деле, Осна, – пишушая перевела взгляд с Зима на меня, потом на Травну. – Ваши варианты истребления

Забытыми старой крови?..

– В нас очень много силы, – я сжала чашку. – *Очень много.* Мы используем едва ли треть своих способностей и ресурсов. Мы всё-таки думаем, что Забытые охотились за силой. Сначала – чтобы стать ещё сильнее. И ещё. А потом они просто не смогли остановиться. *Сейчас,* – я снова зачем-то посмотрела на пса, – мы знаем, что способны дать отпор. Но для этого нам пришлось пройти через истребление. *Тогда,* – и я перевела взгляд на Снежну, – мы этого не знали. Никто из нас не использовал силу для разрушения. Никто даже не рассматривал её использование в таком ключе. Если мы и мешали... то как пережиток прошлого. Занимали место задуманного нового народа.

Травна часто-часто закивала, соглашаясь.

– Поддерживаю, – кивнула и Снежна. – Опять же, Шамир никогда не уничтожал созданное, даже вроде бы неудавшихся паразитов. Зачем-то Забытым понадобилась бездна силы. А волшебных необычностей для подпитки не так уж много. Или, да, потом они просто не смогли остановиться, потеряв разум от переизбытка силы.

– Зачем... – Зим снова заёрзал. – А не могли ли Забытые в конце концов... самоуничтожиться? Лопнуть от... переедания?

– Искры горят, как дрова? – я хмыкнула. – Да, мы самоуничтожаемся, если перебираем с силой – если используем её больше положенного по возрасту и опыту. Но все Забытые

были людьми – хладнокровными. И опыта, и возраста в них было наверняка немного, но вот силы... Нет, вряд ли, Зим. Они бы лопнули задолго до своего активного появления.

– А точно людьми? – знающий заинтересованно поднял брови.

– Мы потому-то и поняли, что людьми – потому что наши законы у них не работали, – пояснила Снежна, глотнув чаю. – И мы точно знаем, что и говорить, и писать они умели без ограничений.

– Правда? – для меня это стало неприятным открытием. Я об этом не знала. Мы считали Забытых людьми по одному лишь признаку: да, они не сгорали от использования сложных чар, требующих бездны силы, как мы. Или я до кое-каких глубинных знаний не доросла. – Откуда?

Травна кивнула, скрылась в доме и сразу же вернулась с тонкой папкой. Бережно смахнув с неё пыль и развязав тесёмки, говорящая протянула мне открытую папку. Зим немедленно придвинулся ко мне вместе с креслом.

Я осторожно перебрала старые страницы – пожелтевшие, мятые. Легенды прошлого – такие, какими их смогли передать уцелевшие говорящие. И Забытые – такие, какими их запомнили. У говорящих тоже были свои чары-вестники, и те, кто видел Забытых, успевал отправить своим кое-какие наблюдения, замечания и домыслы. Путаные, полные страха, прощальные. Но владеющая силой говорящих Буря действительно *говорила* без проблем, запинок и ограничений.

Пробежавшись по тексту, я отдала папку Зиму, и тот вцепился в записи с таким вниманием, будто грозное прошлое касалось его больше, чем всей старой крови вместе взятой.

– Как вы считаете, что случилось с Забытыми? – Снежна поставила на стол пустую чашку.

Травна впилась в меня острым взглядом. Знающий с сожалением перестал шуршать листами.

– Бытует мнение, – я удобнее устроилась в кресле, поджав босые ноги, – что их достали именно искры. Когда мы, чаруя, достигаем точки невозврата, в мир выбрасывается гигантское количество силы. Если, предположим, такой точки достигну я – по сути, ещё подросток, – то разнесу по камешку тот же Ярмарочный и...

Я запнулась и замерла. Сердце! Уничтоженный город в сердце Серединной равнины! Как же я не сообразила сразу!..

– А взрослой искре вполне по силам уничтожить таким образом даже Забытого? – подхватила Снежна.

– Не в одиночку, – возразила я рассеянно. – Чтобы разгореться до взрыва, нужно время. Нужно много чаровать. Это одна версия.

Мне нужно попасть в Сердце. Я и прежде хотела его изучить, но сейчас это не просто желание и любопытство. Это острая нужда.

– А вторая? – оторвался от записей Зим.

– Мне нужно попасть в Сердце, – я посмотрела на Снежну. – *Очень*. Оно, говорят, уничтожено? – и наугад: – Взры-

вом и огнём? В первый день зимы?

Пёс заинтересованно поднял уши. Травна встревоженно оглянулась на пишущую.

– Да. По ка... мешку, – с запинкой ответила Снежна и по-няла: – Искра?..

– Не знаю, – я нервно мотнула головой. – Мне надо увидеть. Тогда я пойму, кто. И зачем. И ещё... – я сглотнула. – Что люди?.. Обитатели Сердца? Что с ними? Или – прямо с ними?..

Пауза, и отстранённо-спокойное:

– Сложно сказать. Туда бы осенников с их чувством смерти и ощущением Уводящей... Но, как назло, все знающие осени из-за снега надолго застряли кто в одной глуши, кто в другой. А добрались до нас уже без чар. А без них они ничего внятного сказать не смогли. То, что смерти были, мы понимаем и сами. А вот сколько... На месте Сердца теперь одни обломки да зачарованная стена, и они на время перекрыли доступ к другим путям – на юг, запад и восток. Пока мы поняли, что случилось, пока сообразили, откуда пошла волна чар, пока добрались до Сердца... Спасённые, если они и были, рассеялись по окрестным селениям. Ты, – строгий взгляд, – сможешь понять, что случилось с людьми?

– Конечно, – подтвердила я взволнованно. – Читать следы пепла я умею с пелёнок. Но прежде...

– Позже обговорим, – решила она. – Так какая вторая версия исчезновения Забытых?

– Они в спячке, – озвучила я мнение Силенна. – Или из-за того, что мы стали недосыгаемыми и научились опасно сопротивляться. Или из-за того, что Забытые, набравшись сил, срывались с поводка и творили лишнее. Или тот, кто их создал, понял, что Шамир умрёт быстрее, чем он достигнет своей цели. Их усыпили. И спрятали – наверняка где-то в пределах Забытых. А по Обжитым землям раскидали заначки – приманки, полные старой силы. Дыхания, зверь Стужи – это старое, некогда усыпленное и теперь пробужденное. И так же могли усыпить и Забытых. До поры до времени.

– А мы надеялись... – со вздохом пробормотала Снежна. – Мы надеялись, что у кого-то из старой крови нашлись силы, чтоб уничтожить эту гнусь... У тех же безлетных её бы хватило.

Пёс тихо рыкнул и потряс головой. Красноречиво.

– Но выходит, это не они, – пишущая снова вздохнула. – Выходит, что спячка... Да, спячка. Которая может прерваться в любой момент. Два года назад... – повторила она, мрачно глядя перед собой. – Уже тогда Шамир предупреждал, что скоро... Но не будем ломать голову, почему сейчас. У нас нет никаких зацепок. У вас – тоже. Внятных и обоснованных. Будем надеяться, что со временем они всплывут.

Травна тоже вздохнула и мрачно кивнула. Получается, и говорящие надеялись на уничтожение. И ничего толком об исчезновении Забытых не знали. И тоже не понимали, почему сейчас.

Снова повисло молчание, лишь Зим заинтересованно шуршал листами, дочитывая. И я воспользовалась паузой, обратившись к Травне:

– Тихна и Горда видели здесь некоего твоего помощника, который подбросил им нужные знания. Не знаешь, кто он? На самом-то деле тебе никто не помогает в кладовой, так?

Вопрос, потерявший ценность, – ведь, скорее всего, именно этого помощника в Ярмарочном настигли усталость, совесть, «воронка» и моё солнце. Но всё-таки. Вдруг не он?

Говорящая склонилась над чистым листом и быстро-быстро застрочила что-то, записывая. Зим тут же шустро подошел к ней вместе с креслом. Вот же любопытный... И интерес какой-то нездоровый. Столько лет не хотел толком учиться – и вдруг нате... Стыдно стало, что ли – быть знающим без должных знаний?

Законченная записка перекечевала ко мне, и Зим – следом за ней. И читали мы уже вместе: «Я его не знаю, Осна. И ни разу не видела. Я редко выхожу из дома. Но если он смог сюда попасть – на мой холм, за покров невидимости, – то он из знающих. Никто другой дверь не откроет. И не взломает».

То есть... не тот пишуший. То есть... ищем среди своих. Как я и предполагала, знающие замешаны. И, что скверно, среди них не четверо людей старой крови, а пятеро. А может, и больше. И они чем-то скрыты – какой-то утаивающей истинную суть гадостью.

– Найду, – гневно припечатала, точно стужей дохнула,

Снежна. – Из-под земли достану и допрошу, и «воронка» не спасёт. Я – старая пишущая, Осна, – она поймала мой недоверчивый взгляд и улыбнулась уголками губ. – Очень старая. Как и знающая. Мне достанет опыта.

– Могут быть и ещё...

– Найду, – повторила она зловеще, и в светлых глазах стыло сверкнул зелёный лёд. – Всех этих твоих «недо-». И, клянусь, они пожалеют, что влезли в наши ряды. И заодно соберу Мудрых. Их тоже пора оповестить.

– Нет! – вскинулась я, подскочив. – Рано!

Травна перевела беспомощный взгляд с меня на Снежну и вздохнула, не зная, чью сторону принять. Зим опять заискрыл идеями, но мудро их попридержал. И правда, мудро. Ибо того, что сказала потом (и отметила загодя) Снежна, не предусмотрел никто.

– Мудрым следует знать о грядущей беде, – повторила пишущая резковато. – Им следует поверить – и подготовиться. Больше я ни о чём не скажу, Осна, не беспокойся, – только о Забытых. Травна, а тебя попрошу собрать как можно больше доказательств их возвращения, чтобы нам не пришлось раскрывать свои секреты. Осна! Сядь. Это ещё не всё.

Я нехотя села. А Снежна встала, оперлась о край стола и очень тихо спросила:

– Как думаешь, где за неимением нужного количества старой крови Забытые будут искать силу? Вернее, у кого?

– Знающие!.. – выдохнул Зим.

– Вот именно, – пишущая выпрямилась. – Старой крови нынче мало – гораздо меньше, чем в их времена. И многие до сих пор прячутся – как весь народ искр, например. И кто-то научился защищаться. Знающие – вот новая цель Забытых, более беззащитная и доступная, чем даже слабые осенние говорящие. Мудрые должны быть готовы. Все знающие должны быть готовы. И вы трое – тоже.

Я залилась краской до ушей. Как же не сообразила-то...

– Итак, о своих планах я сказала, – Снежна обвела нас требовательным взглядом. – Я найду на нашей грядке все сорняки и выкопаю их. И проведу обработку на будущее. Обо всех найденных – и обо всём узнанном от них – я сообщу тебе вестником. Твои планы?

– Сердце, – проворчала я, болезненно переживая собственную недалёковидность. – Осмотрюсь, изучу, разберусь. А потом, – порывшись в сумке, я достала и развернула карту. – Вот это, – я провела линию от Солнечной долины до Ярмарочного, – линия Стужи. На этой стороне пути я нашла её кладовые. А здесь, – я указала на противоположную сторону и точку деревушки с тенью-на-снегу, – линия Зноя. Там должны были покопаться мои и убрать всё... лишнее. Но я хочу пройтись по ней и поискать. А вдруг.

Да, я плохо искала, призналась себе. Была слишком занята драками, неприятными открытиями и прочими «подарками» из прошлого. И наверняка многое упустила. Теперь на линии Зноя, даже если остроги выметены искрами подчи-

стую, я буду именно искать. Старые следы на снегу. Скрытый снегом пепел. И тех, от кого он остался. И тех, кто был причиной его появления. Неизвестно, когда мама или Силен расскажут мне о кладовых Зноя. Я должна знать, что уже всплыло – чтобы понять, что всплывёт ещё.

– А после – гробницы? – Снежна нахмурилась, явно давая понять, что гробницами следует заняться вперёд остального.

Возможно. Но я не хочу, чтобы мне в спину ударил зверь Зноя или кто похлеще.

– Гробницы – когда в Обжитых землях ничего опасного не останется, – уточнила я упрямо. – Я хочу понять, что случилось здесь. Чтобы понять, что именно искать в пределах Забытых. Просто гробниц может быть мало. Не бегать же туда-сюда десять раз по каждому подозрению.

– Хорошо, – она склонила голову. – В Сердце пойдёте вместе с Зимом.

Я возмущённо открыла рот, но возразить не успела.

– Тебе, осеннице, там не место, – прямо сказала пишущая. – Твоё время вышло, и твой интерес будет подозрительным. Пойдёшь хвостом за Зимом. Он – по моему поручению, а ты – по поручению Травны, хронику событий составить и описать случившееся. Ты уже привлекла к себе много лишнего внимания, не так ли?

Я искоса глянула на довольное лицо Зима и нехотя кивнула.

– Облик менять можешь? – продолжала сухо Снежна.

– Да. Сила искры позволяет менять хоть каждый день.

– Прикинься кем-нибудь... мальчишкой, что ли, – посоветовала она. – Кем-нибудь безобидным и незаметным. И не пользуйся чарами как можно дольше. Поручай волшбу Зиму. Исчезни. Затеряйся. Забудься – для тех, кто уже о тебе узнал.

Я снова кивнула. Да, надо больше нагружать Вёртку – от её чар нет такой тепловой отдачи, как от моих. И те, кто следит за передвижениями и планами некой искры, потеряют след. А ещё его можно направить по ложному пути – вестник, заметные чары письмом куда-нибудь в глушь... Но это на крайний случай.

– Где, по-твоему, может быть Дремень? И этот мальчик, Дорог? – пишущая подтянула к себе карту. – Их нужно найти и защитить. И предупредить.

И расспросить.

– Точно не знаю, – я нахмурилась, припоминая показанный Немой «путь» и осколки сегодняшнего сна в тот момент, когда потолок подземелья превратился в пыль. – Но думаю, это где-то рядом с той деревней, где жила Мирна. Или я не заметила в колодце зачарованный ход в подземелье, или... – я вспомнила о сторожах дыханий и задумалась. Если сторож дыхания Зноя жив, то оно не может уйти из места заточения. Если жив. И если это было дыхание. Но чутьё и Шамир подсказывают, что... – Да, или деревня, – я показала поселение на карте, – или её округа. Может, они сейчас уже в Холми-

стом.

– Спасибо, – пишущая выпрямилась. – Вопросы?

– Нет, – я вытянула из-под стола обувь, – но есть напоминание. «Потеряшка» в Солнечной долине. Её надо найти, – и подняла глаза на Снежну, тихо добавив: – Дети старой крови очень уязвимы, а этим ненормальным и без пробудившихся Забытых нужны те, кто творит новых недознающих. Детей надо спрятать сейчас, – и посмотрела на Травну. – И вообще всех, кто не в состоянии защитить себя.

И может быть, именно для этого «потеряшку» и создали. Не для беглецов. А для тех, кого постигнет участь жертвы спустя века – когда бежать будет уже некуда. И создано кем-то, кто точно знал, что с Забытыми ещё не покончено. И это, как бы заметил мой бывший наставитель, интересно. Очень интересно.

– Пожалуй, – согласилась пишущая.

А Травна встала, скрылась в доме и быстро вернулась с новым подносом чая и оладий. И знаками дала понять, что без обеда не отпустит. И ещё и с собой в дорогу даст.

Зим с удовольствием взялся есть. Пёс встряхнулся и бесшумно покинул веранду. Снежна села и подтянула к себе чашку с чаем. Я обулась, убрала подсунутый свёрток с едой в сумку, сложила и спрятала карту. Лишь из уважения к гостеприимной хозяйке сжевала оладью, выпила чай, пообещала оповещать о важных событиях вестниками, попрощалась, прихватила шубу и вышла.

– Как же хорошо мы жили... – негромко проворчала с веранды Снежна. – Тихо, спокойно...

Да. Но когда в мире всё слишком спокойно, жди большой беды. Эта поговорка появилась в моём народе после Забытых, и не просто так.

Я подняла голову, прищурилась на солнце и снова услышала недавний мотив – молчаливые переживания говорящей, которая, в отличие от Немы, не пользовалась ни писчим лучом, ни даже безобидными словами. Разница в возрасте? Нема – очень молода и полагает, что её слова ещё не имеют большой силы, а Травна – наоборот, знает, как опасна устная речь без повода?

Зим появился быстро, на ходу надевая куртку. Выглядел он крайне озабоченным.

– Сердце? – уточнил на всякий случай.

– И бегом, – я уже спускалась с холма.

– Ты же сказала, что у нас есть время, – поддел знающий.

– Никогда не надо откладывать на послезавтра то, что можно было сделать вчера, – я махнула рукой Норову, и тот вскочил с травы, засобирався. – Сейчас кажется, что времени навалом, а дел на пару дней, но протянешь – и получишь дел на месяц, а оставшегося времени – пару дней. Раньше приступим – наверняка успеем.

– Это явное во-первых, – Зим улыбнулся. – А во-вторых?

– Мы не знаем, когда случится это «без четверти весна», – я передёрнула плечами. – Может, по людскому календарю.

А может, на десять дней раньше. А может, вообще посреди зимы.

– А в-третьих? – не отставал, во всех смыслах этого слова, Зим.

– Мне надо закончить с Забытыми до начала осени, – я, несмотря на тёплое солнце, на ходу застёгивала шубу. – Осенью сила искры заснёт, и толку от меня будет мало.

– Зря ты так низко ценишь знающих, – обиделся он.

– Знаешь, сколько в летнике силы искры? – я обернулась. – Одна десятая. Одна, Зим, десятая – причём от молодой искры. Мне доводилось видеть работу летников и самые сложные их чары. Я такое «самое сложное» в пять лет делала без проблем. И я, подросток, сейчас заткну за пояс даже Мудрого, и никакой опыт ему не поможет. Просто-напросто возьму мощью солнца и нахрапом. Не суди, не узнавши. И привыкай шевелиться быстро. Очень быстро.

Пока не разбежимся в разные стороны.

Шамир, мы ведь с ним разбежимся, правда? Ты же не повесишь на меня это любопытное хладнокровное?..

Я очень тебя прошу, очень-очень...

Ну на кой он мне, а?.. И тебе?..

Глава 2. Мёртвое Сердце

Норов согрелся и выспался, кажется, на несколько дней вперёд и потому гнал, как одержимый. Зим несколько раз пытался пристать ко мне с вопросами или поделиться важнейшими идеями, но безрезультатно. Я замкнулась в себе, ушла, как под воду, в мрачные размышления и думала, думала, думала... И вспоминала. И билась об «островки» в памяти, ходила вокруг них, как кот вокруг мышиной норки, ощущала дикую важность спрятанного, но все мои отчаянные попытки добраться до сокрытого заканчивались одинаково неудачно.

Что же и зачем от нас спрятали?

И поглоти затмения эту искру, на пару с Шамиром «островки» сотворившую... Теперь, после едкого напоминания Снежны о том, что мы помним далеко не всё, я почти не сомневалась – искра среди жаждущих великих дел была. В лучшем случае – была. Обучила Зноя и после Забытых сгинула.

А вот на самом деле...

Да, Силен сказал, что искры среди предателей не появятся никогда. Но хорошо ли мой бывший наставитель разбирается в том, что с нами случается в момент превращения в знающего? Как теряется память? Как рвутся кровные свя-

зи? Как ты надолго оказываешься в бескрайней пустыне, где нет никого и ничего, кроме беспамятного тебя, беспощадного солнца – и, конечно, Шамира? Как тяжело и долго вспоминать? И как ещё тяжелее вслепую нащупывать через обновлённое внутреннее солнце старые кровные связи, не понимая, что с ними делать и как их восстановить? И как с ними работать, ведь связи, как и ты, стали немножко другими – а с такими тебя работать не учили?

Думается, что нет. Ведь среди моего народа знающих вроде как не было. Да, вроде как. Кроме, вероятно, одной – может, такой же, как и я, чрезмерно любопытной, драчливой, неуёмной и подходящей по возрасту.

И, думается, искрящий-знающий из прошлого мог просто-напросто не восстанавливать связи, остаться отрезанным от своих и всеобщей памяти – и поэтому так никто о нём и не узнал. Я ведь тоже некоторое время существовала сама по себе, и во всеобщей памяти моя линия обрывалась губительной вспышкой. И появлялась лишь спустя год, и то не вся, и то осколками.

Да, сейчас, пользуясь случаем, я целенаправленно это проверила. Лишь через год с лишним мой «лучик» стал внятными и осмысленными, доступными для изучения любой искрой. Потому что я, нуждаясь во всеобщей памяти и поддержке, очень упорно над этим трудилась.

А если не работать?

Полыхнул – сгорел для всех – и никто так и не узнает, что

на самом деле ты уцелел и стал немного другим. И занялся не тем, чем следует. Никто ведь, обучая, не предполагал, что Забытые превратятся в *такое* бедствие, да?..

Шамир, зараза...

Опять же, дымник из пределов Забытых, найденный у Ти-хны. О дымнике я знаю крайне мало, но ведь не зря же его называли деревом помнящих. В нём была сила сродни нашей, а значит, обработать его могла лишь искра. Наверное. Надо бы уточнить. Хотя, конечно, готовый брусок могли найти в пределах – там многое после нас осталось...

Выяснить правду хотелось до чесоточного зуда, но, потратив уйму времени и сил на «островки», я смирилась с неизбежным и невидяще уставилась на бесконечную снежную степь. И, прекратив терзать «островки», затерзалась иным: почему знания о Забытых наглухо закрыли? Что такого в них было? Важного – или страшного?..

И точно не обошлось без Шамира. Не верю, что такие чары под силу сотворить искре – или несколькими, даже мощным и древним. Даже если при этом пророчили пишущие и направляли говорящие. Они могли проклясть одного или испортить жизнь большому роду. Но – проклясть беспамятством и на поколения вперёд целый народ...

Что молчишь, а? Скажешь, не ты?

Я же ещё в Ярмарочном поняла, что ты. Только не предполагала, что с кое-чьей помощью.

Скажешь, не так?

И ветер в ответ вздохнул так тоскливо...

Значит, я не первая и единственная искра, ставшая знающей. Значит, была ещё. Значит, она участвовала – в гнусных событиях прошлого точно. Значит, Силен ошибся, говоря о предательстве. И значит, мне пора прекращать безоглядно верить старшим. Хотя бы в том, что такое быть знающим, я точно разбираюсь лучше них.

Зим то недовольно зыркал на меня, то перебирался на облучок и расспрашивал о том о сём Норова, то возвращался в сани подремать, то выдворял туда уставшего извозчика и правил сам. А пёс мчался вперёд зло и неутомимо, подгоняемый острым чувством вынужденной сопричастности. И остановился отдохнуть и отлучиться лишь раз – вечером, в сумерках. Мы наскоро перекусили, размялись и сделали прочие дела. И вновь полетели к Сердцу.

За дорогой я следила по карте и, когда мы приблизились к Гостевому и Ярмарочному, постаралась отодвинуть в сторону зуд с вопросами без ответов. Всему своё время, и моё обязательно придёт. Меня вписали в историю пророчествами. В меня отчего-то вцепился Шамир, направляя и подсказывая. Мне до Гиблой тропы любопытно. А ещё я поклялась Светле прикончить Стужу.

У Забытых нет шансов ускользнуть. У одного – точно.

– Ты на меня злишься, – внезапно сказал Зим, вырывая меня из очередного кокона озабоченных воспоминаний и планов. – Почему?

Я недружелюбно глянула исподлобья. Знающий развалился на сиденье напротив меня, расстегнув куртку. Взъерошенные ветром волосы, лёд в светлых глазах.

– За что ты так не любишь людей? – он прищурился. – Что мы тебе сделали? Или – вам? Твоему народу?

– Ничего, – сухо ответила я. – И именно за это я вас и не люблю. Вы *ничего* не делаете. Особенно когда надо делать. Прожигаете жизнь впустую и без сопротивления рвётесь там, где тонко. Ты мог бы в свободное от работы время учиться. Развиваться. Набираться знаний, осваивая опыт прошлого. Тогда не пришлось бы объяснять тебе простейшее и доказывать правдивость того, что ты считаешь страшными сказками. А ты чем занимался? За что мне тебя любить? И совсем не из-за чего сердиться?

Зим смутился и неловко возразил:

– Мы умеем признавать свои ошибки и меняться...

– Очень на это надеюсь, – я поджала губы. – Иначе ты не помощником будешь, а камнем на шее. Когда доберёмся до Сердца, не путайся под ногами и не приставай с вопросами.

Знающий поднял брови:

– А справишься, не чаруя? И всё-таки я за тобой присмотрю, хочешь ты этого или нет. Но мешать не буду, обещаю.

Я фыркнула, отвернулась и про себя окликнула Вёртку. Просыпайся и будь готова, подруга. Знающие наверняка окружили Сердце такими чарами, что даже ты не проскочишь, то есть на месте нам придётся соображать быстро и

дружно. И вряд ли у нас будет в запасе много времени. Для хроник к месту событий пускают ненадолго.

А после я занялась подготовкой чар – простеньких, не искрящих приметно, прогорающих быстро. Отбиться, посветить, сжечь следы... И, конечно, новый облик, хотя проще было бы завернуться в невидимку. Но если в Сердце много опытных знающих, невидимкой бродить опасно – всё равно заметят. И хлопот потом не оберёшься.

Зим наблюдал за моими приготовлениями с болезненным любопытством, но стоически молчал. Лишь одобрительно хмыкнул, отмечая облик сухощавой бабки. А я закончила возню, оценила оставшийся путь и задумалась над важной вещью: а знают ли эти «недо-», под каким прозвищем я скрываюсь в общине? Или просто чувят искру по волшебству и сильным чарам? Очень надеюсь, что не знают, тем более я всё время ходила без амулета-«имени». Иногда очень полезно быть рассеянной растеряшкой, да.

По дороге мы заехали в Гостевой острог, где мои голодные спутники сразу же окопались у родичей Норова, чтобы поесть и набрать харчей в дорогу, а я, купив жареное мясо на вертеле, отправилась собирать слухи и сплетни. И говорили люди о Сердце с удовольствием (такое-то событие в тихие годы!), содроганием (а вдруг бы до них беда докатилась?) и в основном одно и то же. Но последнее я ещё собиралась уточнить у знающих, охраняющих подъездные пути к городу.

Заодно, следуя внутреннему голосу, я расспросила о жи-

телях Сердца. Нет, говорили обитатели Гостевого, здесь никто из них не появлялся. Нет, сами они в Сердце ездили редко – и тут гостей хватает. Нет, и даже не роднились – опять же, здесь народу навалом плюс большой Ярмарочный под боком. Да и родное всё, а Сердце – это ж большой торгово-перевалочный узел перед Южным центральным путём. Переночевал там – и снова в дорогу. А одна старушка доверительно сообщила, что Сердце всегда было каким-то странным, и народ его недолюбливал. Почему – она не понимала, но не обманывала.

Я невольно призадумалась.

Интересно... «Не понимаю, но боюсь» – это животный инстинкт самосохранения, подсознательное и острое предчувствие угрозы жизни. Кажется, срединный острог хранил в себе нечто очень мощное и опасное, если на него так реагировали обычные люди, у которых инстинкты давным-давно притупились.

Вёрст за пять до Сердца нас остановили, и я сразу же, кожей, ощутила плотность защитных чар. Они стеной опоясывали местность вокруг разрушенного города, полностью перекрывая путь. Густым туманом поднимались до облаков, у земли подмерзая и застывая ледяным кольцом. И даже сейчас, спустя несколько дней, туман ощутимо пах гарью.

Огонь. А где огонь – там почти всегда искра.

Когда ездовой пёс замер, из тумана появилось несколько фигур. Зим выбрался из саней, тихо с ними переговорил,

что-то показал, и знающие снова исчезли в тумане. И сразу же появился проход – точно штору отдёрнули. Вёртка нырнула в него вперёд моей команды, спеша предупредить угрозу. А я спешила и украдкой сунула Норову в карман искорку – человека пропустить не позволили, и неизвестно, сколько ему нас ждать.

Пёс улёгся, огляделся, и я увидела первое в своей жизни волшебство безлетного: один зверь остался на снегу, запряжённый в сани, а второй, прозрачный, словно сотканный из множества снежинок, выскользнул из старой шкуры и нырнул за защитное кольцо. И напряжение последних дней схлынуло талой водой. Да, они в деле. Да, они помогут. Да, я не одна. И присмотрят за мной не только Зим с Шамиром.

Я проводила его восторженным взглядом, обернулась на тихий разговор, поджидая Зима, зевнула... и снова усталилась на защитное кольцо. А потом – на дремлющего пса. Нельзя так забивать голову сказками и проблемами, я упускаю очевидное!..

А очевидным было вот что: *снежный дух пса – это есть и зверь Стужи!*

О безлетных мы знали немного – когда искрящие появились, они уже устали жить и попрятались кто куда. И о том, что у них, как и у всей старой крови, есть не только люди, но и животные, и растения, мы даже не... Ладно, я не думала. Или забыла на Гиблой тропе. Или не успела узнать, а мои старшие давно в курсе.

Но я-то полагала, что безлетные, скрываясь, обращаются животными или перетекают в чужие тела духом, прихватив свою силу, и пропитывают ею кровь... А псы – это, кажется, именно что псы, только волшебные. Умные, мудрые, бесконечно живущие и, конечно, всё знающие.

Зверь Стужи – зачарованный дух зверя-безлетного... И у него было явно чаротворное тело... как и у безлетного? Наверное. У кого бы уточнить?.. И надо при случае присмотреться к псу. И подумать, да. Потом. Зим на подходе.

Пора за дело.

За туманным кольцом не было ничего, даже снега, даже ветра. Сырой, промозглый воздух. Голая земля – покуда хватало глаз. И ни одной постройки. Ни одного деревца или кустика. Ни одной травинки, даже прошлогодне-жухлой. И знающих тоже. Лишь, словно взрывом разбросанные, серели грязные клочья тумана.

Остановившись, я посмотрела по сторонам, дождалась Зима и взялась за проверку «гостевых» сведений:

– Ну что? Слухи, сплетни, догадки?

– Всё случилось в первый день зимы – ближе к вечеру, когда всю шёл снег, – знающий сунул руки в карманы, подстраиваясь под мой шаг. – Отсюда до Гостевого и Ярмарочного острогов – обычные тридцать вёрст, однако тамошние жители в один голос утверждают, что видели вспышку. А после неё ещё долго дул очень тёплый ветер. Знающие искали по окрестным острогам и деревьям жителей Сердца, но не

нашли ни одного. То есть либо они убежали в города юга, либо... – и запнулся.

Либо, да.

Смеркалось. Мы провели в пути почти двое суток, тело затекло, и, слушая Зима, я шла медленно. И по сторонам смотрела очень внимательно, хотя, казалось, вокруг нет ничего примечательного. В других острогах изначально тоже так было, а потом всплывали дыхания и звери Стужи, души искр и прочие «подарочки». Тогда я и не подозревала, что надо что-то искать.

Сейчас – иначе. И я буду землю носом рыть, но соберу по крупицам необходимое. После стихийных бедствий всегда остаётся много полезного. А безусловно заметить следы не дано никому. Даже Шамиру.

Вёртка иступлённо рыскала по округе, и я постоянно получала от неё мысленное «ничего», «ничего», «ничего». Но не расслаблялась. Наоборот, собиралась. Когда отчаянно пытаешься что-то спрятать, обязательно проглядишь какую-нибудь неочевидную мелочь.

– Что говорят знающие? – я наконец заметила, что Зим замолчал. – Они изучали Сердце?

– Конечно, – немедленно и с явным облегчением отозвался знающий. Мёртвая тишина давила на уши. – Говорят, похоже на извержение вулкана или прорыв горячего источника. Треснула земля, и оттуда вырвался... – он огляделся и пожал плечами: – Наверное, огонь, раз ощущался жар. И кто-то за-

метил, что земля долгое время была горячей. Но ни следов лавы, ни пепла...

Да, пепла...

Я остановилась, присела и запустила пальцы во влажную землю. Теперь, конечно, не осталось ни следа жара. Земля давно остыла, а туманное кольцо не пропускало внутрь зиму. Стаявший снег ушёл в землю, и она была сырой, как после дождя.

– Ты и правда умеешь читать пепел? – полюбопытствовал знающий.

– Я его ещё и чувствую, – я пошевелила пальцами, но мёртвая земля молчала. – Мы же сгорает – до пепла. И нас учат его искать и понимать. А в нём остаются... Сила остаётся – пеплом. Если я захочу её найти, то всегда найду. Даже людскую. Но пока пепла нет. От живых – точно.

– То есть Сердце было пустым? – не поверил Зим.

– Пока, – повторила я, встав, и отряхнула руки. – Откуда началось?

– Мы туда и идём, – знающий махнул рукой вперёд.

– И что там?

– Воронка, – поёжился знающий.

Я задумчиво покивала. Воронка...

– Здесь должны быть подземелья, – сообщила я уверенно. – Древние. Которые появились раньше Сердца. Кстати говоря, если ты не знал, под Обжитыми землями находится древний подземный лабиринт. Те, кто жил здесь до нас и бе-

жал от Забытых морями, оставили нам в наследство не только брошенные города, но и старые подземья. Сейчас они, конечно, частично обрушились, частично перекрылись тупиками. Под новыми городами люди строили своё, ломая или заваливая старые проходы, прокладывая новые. Но и сохранилось многое.

– А зачем они нужны? – Зим нахмурился.

Я обернулась и улыбнулась:

– Ты же знаешь, какие здесь зимы – долгие, по полгода по старым поверьям, и снегом засыпает по маковку. А какие после снежных зим вёсны? Какие дожди, какая непролазная слякоть на дорогах? А знающих в те времена не было. И никто не ухаживал за дорогами.

– То есть они по подземельям в гости друг к другу ходили? – не поверил он. – Из города в город?

– Странно, да? – я снова глянула себе под ноги, но следов пепла опять не заметила. – Но старой крови показалось проще один раз помочь людям с крепкими подземельями, чем год от года чистить бесконечный снег. И там не просто ходы, Зим. Там есть большие залы с пещерными городами – на случай стихийных бедствий. Есть залы средние – для торговли и обмена товарами. И залы малые – кладовые. Но это всё – между острогами. Под ними – только коридоры и чуланы.

– И здесь должно быть подземелье... – повторил знающий. – Люди дополнили старое своим?

– Скорее всего, закрыли проходы в другие города и сделали свои лазейки наверх, – кивнула я. – И достроили новые коридоры.

Пауза, и Зим заметил:

– Ты не просто так об этом сказала.

– Нет, – я качнула головой. – Представляешь, сколько гадости в них можно схоронить? И никто не узнает. Старых подземелий даже на картах-то уже не осталось. Честно говоря, я сама о них постоянно забываю.

Но то «подарки» из прошлого напоминают, то Дорог...

– Но мы туда не пойдём, – правильно понял знающий.

– Облазить лабиринты под Обжитыми землями наших сил не хватит, – согласилась я. – А вот в местные заглянем. И поищем проходы в древние коридоры. То, что уничтожило Сердце, могло выползти только оттуда.

– А как же остальные подземелья? – не унимался Зим.

– Я, к счастью, не единственная старая кровь и не последняя искра, – отозвалась я. – И сказала я о лабиринте лишь затем, чтобы *произнести*. Те, кто наблюдают за мной через всеобщую память и следят за моим прошлым, получают послание. Если, конечно, они сами не догадались проверить подземья и вычистить всю гнусь.

– А-а-а... – понял он. И отчасти действительно понял.

И после новой паузы:

– Но если они вычистили, то найдём ли мы тут что-нибудь?

– Проверить не помешает.

Я снова посмотрела по сторонам на унылое безмолвие, спросила себя, что хочу тут найти, – и поняла, что это не я. Не я хочу найти, а Шамир. Вернее, Шамир хочет больше меня. И он так уверен, что здесь это необходимое ему есть... И я обязана это отыскать.

Ну что ж, веди.

И сама ускорила, остро ощущая, что пепла здесь нет. И людей в Сердце в момент беды не было. Не понимаю, как такое возможно... но пепла нет, как и следов Уводящей. И дремлющая осень, даже вне сезона указывающая на смерть, молчала.

– Что-то случилось, перед тем как... – пробормотала я.

– А? – переспросил Зим.

– Что-то случилось, что заставило людей бежать и указало направление, – пояснила я. – И они сорвались, и даже с живностью. И лишь потом рвануло. Все жители Сердца – по ту сторону кольца, на юге. Вестниками с тамошними знающими разве не связывались?

– А они туда не пробираются, – напомнил мой спутник напряжённо. – Никто не понимает, что это за чары, но путь на юг закрыт для всех, даже для вестников. Кто успел до разрушения проскочить через Сердце, те здесь. А что там... Мрак. Туман – это наши чары, знающих. Но к югу за ним... Там, говорят, что-то другое. Как невидимая стена. И её природу никто понять не может.

Точно, Снежна же говорила про какую-то зачарованную стену... Я отчего-то решила, что это обломки города. А оказывается, нет.

И, несмотря на требования Шамира, я поняла, что сама-то хочу не по воронке и подземельям лазить, а оказаться у южной границы – изучить стену. И либо это западня для нас... либо чья-то защита от Забытых и их последователей – хотя бы для половины населения Обжитых земель.

Ладно... Удовлетворю любопытство Шамира – и бегом к стене. Надеюсь, он мешать не будет.

Вскоре появились клочья города – иными словами обозначить его останки трудно. От Сердца, одного из самых крупных острогов, остались лишь беспорядочно разбросанные камни. У ближайшего я присела, попросила Зима наколоть снега и тщательно счистила грязь и копоть. И – ничего. Обычный камень, каких полно в горных долинах или на равнинных пустошах. Без следов обработки для человеческих нужд. И без следов чар к тому же.

– Ничего не понимаю... – проворчала недовольно.

– Ось, вон там ещё, – знающий показал вперёд и вправо, где в низком туманном облачке чернело несколько влажных камней.

После изучения оказавшихся точно такими же.

Я бегала от камня к камню, но не находила на них ни следа чар. И никаких следов города.

– Не отсюда эти камни, – мрачно ответила я на молчали-

во-вопросительный взгляд Зима. – Да ты сам посмотри, они же необработанные. Дикие. Рвануло бы – они бы так форму не потеряли. Или наоборот. От чар Зноя камни плавилась. Или взрывались осколками. А это не осколки даже рядом. Если бы... – и запнулась.

– Если бы ты не знала, что здесь случилось? – продолжил знающий выразительно, присев у очередного камня. – Что бы сказала?

– А ты? – я подняла брови.

– Что здесь случился оползень. Или камнепад, – смущённо признался Зим. – Без гор. Не из таких же подземелья строили, так?

Я молча уставилась на камень. Так. Однако именно дикими камнями, не утруждая себя обработкой, люди заваливали ненужные коридоры. И если представить, что некоей неведомой силой их оттуда вынесло... то где же город? Где, спали его солнце, это проклятое Сердце? Ведь даже пепла нет! Не мог же он исчезнуть! Пять стен, сотни домов, самый большой на севере острог! А вещи – тряпки, еда и прочее?

Куда оно всё, к гиблым затмениям, подевалось?!

– А если... – Зим так и искрил идеей, но говорить отчего-то стеснялся.

Видать, зашугала я его чрезмерно.

– Говори, – подбодрила я, вытирая грязные руки бывшим шарфом. Всё равно нужен лишь для отвода глаз.

– Если Сердце... в подземелье? Провалилось? Ну, туда,

где большие залы с пещерными городами... – неловко предположил знающий и требовательно уставился на камень, будто именно от него и ждал ответа.

Я задумалась, перебирая в памяти известное.

– Большие залы обычно находились между городами, – объяснила наконец. – На перекрестке дорог, чтобы собрать как можно больше жителей из разных острогов. Под каждым же городом накладно строить. Здесь ему негде поместиться... наверное.

– Проверим, – коротко подытожил Зим.

Ближе к центру взрыва камни стали попадаться чаще. И чем больше я смотрела на живописно разбросанные грязно-чёрно-серые валуны разных форм и размеров, но всегда необработанные, тем больше убеждалась в правильности вывода. Ими частично завалили ненужные коридоры, но с внезапной зимой в древнем лабиринте нечто пробудилось, потянулось и захотело на волю. И – воздухом ли, водой или огнём – камни сначала вынесло из проходов в общий коридор или на перекрёсток, а потом выбросило на поверхность. И те, что помельче, отлетели далеко, а те, что покрупнее, грохнулись ближе к воронке.

Причём проснувшегося «нечта» должно быть много. Очень много, если расчищали такие завалы и освобождали всё подземелье. Это, конечно, ещё проверить надо, но я ощущала, что права. И становилось так страшно...

– А зачем вообще понадобилось заваливать лишние про-

ходы? – кашлянув, поинтересовался Зим.

– Дети туда лезли поиграть и терялись, – я быстро и нервно спешила к воронке. – Ушлые торговцы, чтобы не оплачивать въезд и склады, пробирались подземельями и там же хранили товар. И убить неугодного и спрятать труп было проще простого – и ввек не найдёшь. Поэтому старосты всех городов провели обследование, замуровали лишние входы-выходы и завалили ненужные коридоры. И, в общем-то, правильно сделали. С появлением знающих старая кровь перестала обновлять чары, а знающим хватало хлопот с дорогами и необычностью. За небольшими и важными подземными путями из города мы всегда следили, а вот от всех сразу отказались. И если бы старые лабиринты рухнули, города и дороги ушли бы под землю.

Я хмуро посмотрела на очередную кучу валунов, укутанных в туман, и добавила:

– Собственно, из-за этого и началась закладка. Горы трянуло, и землетрясение прошло по равнине, обвалив часть подземных перекрытий. Города пострадали. И когда люди начали разбирать завалы, то нашли много потерянного и сокрытого – склады, скелеты, трупы якобы бесследно пропавших. И завалили лишнее от греха подальше.

– И пещерные города на перекрёстках? – уточнил мой спутник.

– Знающих подключали, – подтвердила я. – Что-то, конечно, осталось – незамеченные или зачарованные карманы,

уже перекрытые завалами коридоры, которые никто не стал чистить, чтобы узнать, куда они ведут... Но больше половины подземных дорог и залов точно засыпали.

...но и это не стало препятствием для того, что вырвалось на свободу в Сердце. Эх, зря мы поверили слухам о том, что Забытых на Обжитых землях не было... Зря не обследовали в свободное время все потаённые места... И зря так верили в силу своего солнца – что оно от любой напасти защитит, стоит лишь приручить его и как следует полыхнуть.

Когда мы добрались до воронки, совсем стемнело. Я видела неплохо, а вот Зим не видел совсем, поэтому в воздухе вокруг него замерцало множество мелких снежинок. Их призрачный свет расплзся по земле уродливыми тенями, путался в клочьях тумана, блестел на влажных камнях. И беспомощно тонул в зеве гигантской ямы.

– Да уж... – изрёк Зим, изучив окружающие воронку огромные валуны. – Из таких точно ни дом, ни даже городскую стену не построить. Не представляю, как их сюда доставляли...

– Примерно так же, как сейчас ты спустишь нас вниз, – пропыхтела я, карабкаясь на камень.

Знающий глянул искоса, сообразил, кашлянул, и воздух в воронке закрутился, уплотняясь, замерцал крошечными снежинками.

– Прыгай, – предложил он.

Я вздохнула про себя, выдохнула и боязливо шагнула

вниз. Не дело это – доверять хладнокровным... но и быть до крайности недоверчивой – тоже.

Вёртка ждала внизу – на такой глубине, что её «голос» звучал в моих мыслях мышинным писком. И её тихий голосок натолкнул на ещё один вывод, кроме глубины воронки: на стенах ямы должны остаться следы скрывающих чар. Грохот от взрыва всяко был сильным, однако его никто не слышал, люди Гостевого видели только вспышку.

А ещё подземные взрывы чреваты толчками землетрясения. Которого явно не случилось. Только тёплый ветер. Ветер...

Воздух свивался плотными змеиными кольцами, снежинки внутри него складывались в подобие низких ступенек. Я спустилась на два круга, ещё раз обдумала выводы и подняла голову:

– Зим?

– Что? – он уже спускался в воронку, держа в кулаке снежный «хвост» ветра.

– Грохот люди слышали? – я продолжила спуск.

– Нет вроде, – нахмурился знающий.

– И землетрясения тоже не было?

– Нет, – Зим отчего-то встревожился. – Чары?

– Конечно, куда ж без них, – я посмотрела на стену, скрытую вьюжной круговертью. – Можешь приоткрыть часть стены?

Вьюга замедлилась, и рядом со мной отёрнулась снеж-

ная «шторка». Я осторожно коснулась стены и закрыла глаза. Стёртые следы видны и ощутимы именно этим – стёртостью, даже очень хорошей. Так ощущались слишком чистые дома с уничтоженными чарами. И нечто подобное может найтись здесь.

Я потёрла ладони, провела рукой по стене дальше, и снежный ветер расступился, разошёлся ветхой тряпицей. И я так и спускалась, ища – и притягивая к себе. Простенькие чары, крохотная искорка – не выдадут. Трижды права Снежна, мне пора снова исчезнуть. Хотя... если я права и за Сердцем встала непроходимая стена, пытаться спрятаться в укромных в два раза Обжитых землях – как таиться искрой среди четвёрки старокровных. Но пока... поберегуся.

Хорошо, что мои здесь, на этой стороне Обжитых земель... А кстати, это ведь тоже вероятная причина появления стены – отрезать искр от одной из нужных сторон. И хорошо, что на той, южной стороне мои тоже есть... Наши «ульи» – повсюду. На всякий случай.

И в самом низу, за пару шагов до пола, искомое нашлось. Я цепко ухватила за хвост ускользящие чары – вернее, то, что от них осталось. словно клочок ткани с торчащими нитками – крошечный, затерявшийся в трещинах. И такой выхолощенный, выдохшийся, что сразу и не понять, чьих рук дело.

Сейчас – нет. Но у меня есть способы выяснить. Бывает, перед вспышкой искру таким затмением накрывает, что вся

её память путается, и ничего о причине смерти не выяснить. Поэтому мы давно наловчились узнавать нужное по таким вот огрызкам истлевших чар.

А внизу скрывался лабиринт – шесть открытых проходов, пять заваленных. Я оказалась в зале-перекрёстке, и нужно очень шустро соображать, куда идти.

Вёрт?..

– Зим? – я огляделась.

– А? – он спустился в зал, повертел головой и подытожил: – Всё-таки подземелье...

– Ты в темноте видишь?

– Да не особо.

– Тогда пойдёшь за мной след в след. Я вижу как в сумерках. Если будет совсем неважно, свети как можно тише. Нельзя привлекать внимание.

– Чьё? – знающий подобрался.

– Очень надеюсь, что ничьё, – серьёзно ответила я. – Очень надеюсь, что здесь пусто.

Вёртка уже ждала нас в одном из проходов. Зим свернул выюжную «лестницу» как нитку в клубок, спрятал её в карман куртки и выжидательно поднял брови. Я неловко ухватила знающего за рукав и потянула за собой. Важность тишины, понятно, не обсуждалась.

Моя подруга уверенно скользнула в коридор, и вокруг нас сомкнулась прохладная тьма. Широкий проход, ровный пол, высокий потолок. Ветер вынес наружу всю пыль, огонь вы-

жег гниль и грязь, и в коридорах было чисто... как в доме Светлы. И я аж споткнулась от этой мысли.

Её дом – словно выточенный из цельного куска камня... Уж не вламываемся ли мы в чужой?.. Но Вёртка бодро неслась вперёд, а значит, опасности не было. Чар, кстати говоря, как и их остатков, тоже.

А когда мы дошли до второго перекрёстка, к нашей пёстрой компании присоединился пёс. Он выскользнул из бокового прохода и замер, точно позволяя рассмотреть себя вблизи. Мерцающая снежная шерсть, длинный хвост позёмкой, мягкие, почти незаметные потоки ветров вдоль спины. И, в отличие от зверя Стужи, очень умный и спокойный взгляд. А в глубине бесцветно-ледяных глаз тлела острая искорка – добрая, светлая, тёплая.

От Зима повеяло боевой стужей. Пёс явственно ухмыльнулся, наклонил лобастую голову и шевельнул хвостом: дескать, ну-ну, дерзни, человек... Я быстро обернулась и перехватила вскинутую руку знающего.

– Даже не думай! Это наш ездовой пёс!

– Что?! – похоже, скоро Зим разучится произносить другие слова. Столько на него, бедного, в последние дни удивительного сыплется.

– То, – и память, наконец впечатлившись, услужливо подсказала: все безлетные только так и чаруют, вне тела. – Расскажу. Чары погаси. Гаси, говорю. В нём одной силы хватит на тридцать опытных зимников... если не на триста. И я то-

же ему не помеха.

Знающий неохотно сунул в карман куртки очередной сияющий клубок. Но, что характерно, руку из кармана не вынул, продолжая сжимать чары в кулаке. Может, и к лучшему. Пёс разочарованно вздохнул, повёл длинными ушами и бесшумно скользнул в один из проходов. Коридор сразу же озарился слабым седым светом.

– Идём, – я решительно устремила за псом.

– А рассказ? – напомнил Зим.

– погоди, – я сосредоточенно наблюдала за псом и искала десять отличий.

Что-то в твари Стужи было не то. Или – не так, если сравнивать с псом. И глаза голодные, и крылья в движении, и... Свет. Зверь Стужи не светился. А наш пёс мерцал и искрил, как снег, естественным образом, явно не для себя и не для нас. Такова его льдисто-снежная природа. То есть...

То есть я зря так испугалась зверя Стужи. Если он не светил... значит, и силы в нём не было. Совсем. И это очень странно.

«Устал... Согрей, искра».

И этого не может быть. Не может! В безлетных такая бездна силы... И, конечно, ограничители. Как у всех. Только искры их спалили от страха и теперь горят, чуть что – да, как сухие дрова. А безлетные – ребята умные, мудрые. Они против природы не пойдут.

В общем...

Ладно, пока я просто запомню этот факт: зверь Стужи в спячке был без силы. Надеюсь, получится встроить его в цепочку, проясняя очередную «забытую» необычность.

Зим уже искрил нетерпением похлеще меня в злости. Я спохватилась и негромко, то и дело оглядываясь и прислушиваясь к Вёртке, поведала знающему о старокровных животных и растениях. Попыталась вспомнить, коль к слову пришлось, о безлетных растениях, но – увы.

– Животные – псы, и всё? – назойливо уточнил Зим.

Я вздохнула с сожалением:

– Ещё птиц знаю, и это – только не ори опять «что?!» на всё подземелье, ладно? – вестники. Хотя мы думаем, что именно у безлетных как таковых птиц или растений не было. Любое живое существо, что дерево, что человек – это всё тот же дух с одной и той же силой, с одними и теми же способностями. Просто кто-то хотел ими пользоваться – и выбирал человеческий или животный облик, а кто-то предпочёл спрятаться – и стал вестником.

Знающий мрачно кивнул.

Я устремилась за псом, ощущая, что он точно может привести нас к тому, что необходимо Шамиру, а Зим топал за мной и мыслями был явно не здесь. Кажется, он начал осознать, как скучно жить без знаний в нашем необычном мире и сколько чудес, причём на самом видном месте, хранит Шамир. И, похоже, задумался о дальнейшей учёбе вместо привычной бутылки. Во всяком случае, мне хотелось в это

верить. И я пообещала себе при случае показать ему ещё кое-какие чудеса. Просто так.

Шамир стоит того, чтобы о нём узнали побольше.

– А ваши, искристые звери – они какие?

Я невольно вздрогнула. Зря рассказала... И зря не предусмотрела, что он обязательно сообразит и об этом спросить...

– Мы их потеряли, – ответила я тихо и честно, чтобы сразу закрыть вопрос. – Ударяя в панике от Забытых, мы не подумали о тех, кто не мог убежать. Никто не подумал – ни говорящие, ни пишущие, ни мы. Может, в пределах Забытых остались уцелевшие, но мы, сколько туда ни ходим, никого из животного или растительного народа старой крови не встречали. А может... Может, и у нас и деревья, и животные были всё той же искрой со всё той же силой – в смысле, могли принимать любой облик. Эти подробности от нас спрятались вместе с правдой о Забытых.

Зим оживился. При Снежне помалкивал и не лез с лишними вопросами... а я ему не бывшая наставительница, да.

– Так вы действительно ходите в пределы Забытых? Зачем? И что там?

Я прокляла свой длинный язык и неуместную честность.

– Развалины, – буркнула раздражённо. – Надо – и ходим. Помнишь, что я не обязана раскрывать тебе все тайны своего народа лишь потому, что тебе это дико интересно?

– Я пойду с тобой, – решил он, пропустив моё ворчание

мимо ушей. – Гробницы искр же там, в пределах Забытых? Я с детства мечтал там побывать.

– И явно попробовал добраться до пределов? – наугад уколола я едко. – И поэтому теперь ты здесь?

В прошлый раз, при ночёвке в снежном доме в Солнечной долине, этот вопрос сработал правильно и надолго заткнул любопытному рот. А теперь – увы.

– Да, – знающий ни капли не обиделся и не рассердился. – Попробовал. Ты не ошиблась – меня сгубило любопытство. Замёрз на перевале, не дойдя до границы пределов с десятков вёрст. Но раз такое дело... Ось, не отказывайся. Не помешаю. И помочь хочу. Эта гнусь... она ведь и меня касается. Теперь. И я в неё верю.

Шамир, если бы не ты со своими невнятными намёками и дурными поползновениями... А может, ты не зря намекаешь? Сколько у Зима было возможности сходить в пределы – или в конце зимы в одиночку, всё равно терять ему нечего, или договориться с другими знающими, ведь летом-осенью работы не шибко много... Может, и не зря. Может, не просто так он вдруг засобирился туда, где едва не умер. Подозрительно. И чуть позже я это выясню.

Мир, конечно, ничего не сказал – ни да, ни нет. Зато знающий продолжал нездорово искрить.

– В гробницы не полезу, если нельзя, – добавил Зим возбуждённо, словно я уже согласилась. – Но в остальном...

– Да поняла я! – огрызнулась беспомощно. – Не доставай,

не то спалю к Забытым! Придёт время – обговорим.

И тогда я всё из тебя вытряхну. Да, Вёрт. У тебя же после «воронки» кровь осталась? Нет? Кусни его при случае. Тогда и пытать не потребуется. Кровь помнит всё, что на Гиблой тропе забыла голова. Так я восстановила основные события своей жизни. И так о Зиме можно узнать много разного и интересного.

Шамир, вот почему ты не выжигаешь в знающих ту черту характера, которая привела их на Тропу?.. Я бы сейчас избежала уймы лишних проблем! Да, и с собой – тоже! Как меня сгубила чрезмерная драчливость, то есть жажда нужных для хорошей драки знаний, то есть то же любопытство, так и...

Ну нет, мы же не можем быть так похожи!.. Шамир, ты всерьёз думаешь, что двое ненормальных любопытных раскапывают старые секреты быстрее одного? И в общем-то...

Коридор тем временем привёл нас на очередной перекрёсток с четырьмя проходами и парой завалов. Пёс, помедлив, выбрал крайний левый коридор, Вёртка, поразмыслив, тоже. Я свернула не думая. За меня иногда столько голов думает, что аж противно... но удобно. Время лишнее не трачу на пустую беготню. А время нынче дорого.

Зим, едва перекрёсток остался позади, снова открыл рот, но моё терпение кончилось, осталась только честность.

– Ни слова больше, – я угрюмо покосилась на знающего. – Напоминаю: мы тут не на прогулке. И в любой момент может случиться гадость. Закрой рот и смотри по сторонам.

Пёс одобрительно заискрился, хотя мне казалось, что ему интересно – он оглядывался и явно прислушивался. Но – или спокойный безопасный путь кончается, или пора наблюдать, искать и думать. Или всё вместе.

Я снова вернулась к стенам и ходила зигзагами от одной к другой, ища огрызки чар. Ладонь выжидательно горела, но пока к ней ничего не притягивалось. Даже пещерная грязь. Даже случайная песчинка. Хотя, между прочим, со времён взрыва прошло прилично – больше десяти дней.

Хотя – старая магия не чета нашей. Старики-искры до сих пор пытаются понять, сколько и каких чар прошлого сокрыто вместе со знаниями о Забытых. Изучают память предков, смотрят, что они умели – и сравнивают с тем, что осталось. Но наша память, как метко заметила Нема, – бездонный колодец. И вытягивать оттуда «вёдра» ещё, и вытягивать.

Пёс остановился посреди коридора, призывно махнул хвостом и, пригнувшись, нырнул в неприметный лаз. Вёртка прошмыгнула следом. А мы с Зимом остановились и переглянулись.

– Как у тебя с чувством расстояния?

Я уже давно пыталась понять, сколько мы прошли и где примерно сейчас находимся, но получалось не очень. Коридоры вели вроде бы прямо, но у меня было мерзкое чувство, что мы ходим по кругу – по кольцевидным проходам, пересекая из одного в другой. Словно оказались в чреве спящей змеи, свернувшейся под городом. Я даже в направлении

ях потерялась и не представляла себе, в какую сторону идём – на юг, на север. Хотя чем дальше мы шли, тем больше я понимала, куда, в конце концов, придём.

Стена на южной границе Сердца взялась же откуда-то. А любым чарам нужно к чему-то крепиться, к воздуху их не прицепишь. А раз города нет...

– Слежу, – Зим вынул из другого кармана куртки горсть снежинок, пересчитал и уверенно сообщил: – Пять вёрст на... юг, – и запнулся, сообразив: – Мы сейчас должны быть где-то там, где начинается стена?

– Очень интересное совпадение, да? – заметила я. – Ну-ка, кинь что-нибудь туда, – и указала вперёд.

Знающий скатал легкомысленный снежок и швырнул его в темноту. Ничего не случилось. Я ощупала стену над лазом. Тоже ничего.

Что это, Забытые их забери, за чары, а?..

Наклонившись, я пробралась в лаз и через пару шагов выпрямилась. Коридор, не в пример прежним, оказался узким, шершавым – и влажным. И грязным. И явно новым – проложенным много позже предыдущих. И явно не для общего пользования, иначе был бы более удобным и зачарованным. И явно временный – раз-два сбегать туда-сюда.

Интересно, когда его проложили?..

– Зим, не толкайся! Все пятки оттоптал!

– Так иди быстрее!

– Быстрее – неудобно!

Это я не из вредности, правда-правда. Узко, неудобно, колко, мокро. С потолка капает грязь. На полу полно наростов – не перешагнуть и не перепрыгнуть без риска разбить лоб о внезапный зигзаг коридора. Хорошо духу безлетного и Вёртке...

В конце концов я разулась и воспользовалась врождённым преимуществом старой крови – лёгким шагом, когда прикосновением к земле мы временно «передаём» ей часть своего веса. Дело пошло быстрее. А Зим поступил проще – наросты перед ним застывали и лопались ледяной крошкой, освобождая путь.

Однако я обещала себе постоянно искать и думать... И пусть здесь нет ни чар, ни их огрызков. Природа даёт нам достаточно подсказок.

– Знаешь, Зим, за сколько лет появляются такие наросты? – я перебралась через очередную преграду, напоминавшую остро отточенный кинжал.

– Лет за двести? – неуверенно предположил знающий, и нарост превратился в ледяную пыль.

Я вздохнула про себя и проглотила едкий ответ. Я же не знаю, кем он родился, в какой семье вырос и чему успел научиться в прошлой жизни. И что успел вспомнить после Гиблой тропы. И, конечно, у него не было моего всезнающего, обожающего рассказывать истории деда – древней искры.

– Чтобы такая штука выросла тебе по колено, нужно около тысячи лет, – объяснила я терпеливо. – Да, «что» можешь

не кричать. А в зачарованных пещерах, пропитанных, кроме влаги, чужим волшебством, наросты образуются раза в два-три быстрее. Второй вопрос. Сколько лет прошло со времён Забытых? Примерно? Сказки говорят разное, но и из этого «разного» можно вывести примерно количество лет, плюс-минус столетие.

Надо отдать Зиме должное – соображал он действительно хорошо. Быстро оглянувшись, вспоминая высоту уничтоженных наростов, посчитал что-то в уме, и понял:

– То есть ты полагаешь, что этот проход сотворил кто-то из Забытых.

– И даже не знаю, чего мне больше хочется – ошибиться или оказаться правой, – призналась я. – Но всё к тому идёт. Это рабочий коридор – для разового использования, иначе бы его зачаровали от грязи, влаги и прочих неудобств. И проложили бы шире. Или завалили бы как ненужный. И высота наростов примерно соответствует тому времени, когда Забытые исчезли. А перед этим Стужа и Зной точно побывали в Обжитых землях.

– Надо же... – пробормотал знающий, уничтожил очередную гряду наростов и странным тоном протянул: – Ось, а...

Я обернулась и вздрогнула, узнав взгляд, которым он на меня смотрел. Точно так же, я, мелкая, смотрела на Силена, когда поняла, что лишь он может научить меня главному – не просто чаровать и защищаться, а драться. Сражаться. И Зим смотрел так же – будто хотел, чтобы я научила его чему-то

очень важному.

– Давай... потом об этом, – неловко попросила я. – Других дел пока... море.

Хотя – чему хочет научиться у помнящего человек после Гиблой тропы? Лишь одному – вспоминать. А научить этому невозможно.

Поэтому, убегая и от объяснений, и от Зима, я в считанные мгновения одолела коридор и оказалась в пещере. Такой же, как проход, сырой, грязной и неудобной. И огромной.

При моём появлении пёс, поджидающий нас у стены, встал, встряхнулся, и в воздухе заплясали мириады сияющих ледяных звёзд. Их свет озарил влажные бугристые стены, усыпанный наростами потолок и высокие, выше меня, каменные столбы, похожие на оплывшие свечные огарки. Я устояла на них, не веря собственным глазам.

Не может быть...

– Ого! – Зим появился из коридора и присвистнул. – А что это? И, Ось, эти наросты под твою догадку не подходят. Слишком здоровые.

– Потому что рукотворные, – ответила я глухо.

В каждом наросте в толще оплавленного камня мерцала крошечная умирающая искорка. На её месте было солнце – изначально. Но что-то случилось, и они отдали этому весь свой жар. И мы чудом, имя которому Шамир, успели их застать.

Зной. Или его правая рука.

И хоть бы ошибиться, хоть бы, хоть бы...

– А для чего они? – знающий уже вертелся у столбов.

– Не трогай, – предупредила я. – Разберёмся.

Вёрт? Куда? Наверх?

Я подняла голову, прищурилась и заметила узкий карниз, опоясывающий стены – почти под самым потолком. И, конечно, никаких лестниц. Я шевельнула пальцами, и по моим ладоням рассыпались острые колючки – «царапки». Здесь – можно. Здесь и не такие чары творились.

Сбросив на пол грязную шубку, сапоги и сумку, я приложила ладони к ближайшей стене, «притянулась» и липкой улиткой поползла наверх. И сразу рядом взвихрилась знакомая снежная лестница.

– Могла бы и попросить, – знающий догнал меня быстро. Унизительно быстро.

– Тебе нравится превращаться в человека с наступлением весны? – пропыхтела я, стараясь не отставать от шустро шагающего Зима. – Думаю, нет. И ты рад почаровать потом и по делу, и без. Да?

– Понял, – отозвался он серьёзно. – Жду.

Я почти добралась до карниза, когда знающий присел и протянул мне руку. Я едва не ухватилась за неё «царапками». Вёртка предупреждающе пискнула, и я поспешно сдула с ладони искры.

На рожице Зима проступило явственное любопытство: а что бы, дескать, было, если бы не убрала чары?

Я взобралась с его помощью на карниз и ухмыльнулась:
– Смотри.

И поднесла вторую руку к стене. Искры мгновенно вгрызлись в камень, впились в него, как зубы в хлеб. Знающий поёжился. Я погасила чары и осторожно повернулась, глянула вниз. И ахнула.

Отсюда, сверху, столбы напоминали город. Башня, разбросанные вокруг неё домики и плотный частокол стены. Домики и частокол второй стены. И третьей. И пятой. Пять стен Сердца... И отдельно стоящие столбы у пятой стены – четыре штуки по сторонам света, верстовые отметки Серединной равнины. И эти крохотные искры в каждом – в каждом! – столбе-домике и частичке стены...

Он должен был гореть. Полыхать знойным заревом. А он умирал – медленно угасал, отдав все силы... наверное, кому-то.

Вот оно, настоящее Сердце.
Мёртвое.

Глава 3. Пепел силы

– Ось, а что это? – Зим усердно искрил вопросами.

– А на что похоже? – я уже плела из искр верёвку.

– Город из песка, – немедленно отозвался он. – Дети на морских побережьях такие строят. Видела?

Я кивнула. Да, похоже. Оплавленные камни – что мелкий мокрый песок, слитый в хрупкие башни. И только их мне и не хватало, чтобы понять, куда подевался острог-Сердце. И всё, что я о нём узнала – и накануне в Гостевом, и от Зима, – теперь сложилось в узнаваемую картину.

Надо было не вокруг каждой сплетни бегать, а сгрести их в одну кучу и посмотреть на всё сверху.

– Но зачем он здесь, я не понимаю, – развёл руками знающий.

– Я – вниз, – я сбросила верёвку. – Догадка есть, но пока недоказуемая. Хочу покопаться в памяти. Но прежде, Зим. Ты сам в Сердце заезжал?

– Конечно, – нахмурился знающий. – И много раз. К чему эти вопросы?

– И оставался на ночлег? – я настойчиво гнула своё. – Как надолго задерживался?

– Вообще ни разу не ночевал... кажется, – и он сам этому удивился. – Так, перекусил – и в путь.

– А наши знающие там работали? – и сразу отругала себя за то, что не уточнила этот момент раньше. Но кто бы знал, что он окажется важным...

– Не уверен, – протянул Зим, и его светлые глаза стали подозрительными. И подозревающими. – Не понимаю, к чему ты клонишь, но точно к чему-то нехорошему.

– Я-то сама в Сердце ни разу не заглядывала, – пояснила я. – Прежде всё на юге работала или ближе к морям. Однако, Зим, посчитай странности. С людьми из Сердца никто не родился. В Сердце никто долго не находился – об этом мне рассказали в Гостевом. И вообще его недолюбливали и считали странным, обходили стороной. Потом там случилась вспышка. А теперь на месте вероятного взрыва нет ни камней, из которых строились дома и стены, ни пепла – от вещей хотя бы. И неизвестно куда исчезли люди.

– Хочешь сказать, города... не было? – изумился Зим. – Но это же!..

– ...Зной, – я указала на оплавленные камни. – А Зной – это жара. Пекло. Перегрев. Расплавленный мозг. Затмение. И морок. Как в пустыне. Слышал о них? Когда от жары и жажды в раскалённом мозгу рождаются странные образы, и глаза видят их как наяву? И пьют воду – и верят, что это вода, хотя на самом деле они не держат в руках ничего, даже пустой кружки?

– Но... – знающий не мог в это поверить. – Но – *целый город*, Ось!.. Огромный торговый город!..

– И Зной, – снова напомнила я. – Забытый. Ты, кажется, обещал в них поверить. И даже заявил, что веришь.

...явно опрометчиво.

Да, он обещал. И честно пытался. Но разума хладнокровного, не привыкшего к волшебству и чарам, особенно к мощным чарам, не хватало, чтобы осознать личность Забытого и его способности. Зим понимал лишь то, чем владел сам, а то, что находилось за границами его возможностей, не умещалось в рамках его восприятия. Он попросту *не понимал*. И не мог понять... как понять.

И я сама тоже кое-что поняла. Знающие – те же люди, что и Зим. И в Забытых они будут верить по-людски – как в туманную сказку, страшную в прошлом и невозможную сейчас. А такая вера – прямой путь на Гиблую тропу. И если я помогу Зиме понять, что такое Забытые, то у него получится объяснить это, по-своему, по-человечьи, другим людям. И тогда у нас есть шанс справиться. Вместе.

Всё, Шамир. Извини, я больше не буду... Видишь, до меня дошло...

Я приплавила конец верёвки к карнизу, спрыгнула вниз и закачалась, упершись ногами в стену. Посмотрела снизу вверх на подавленного знающего и тихо сказала:

– Я не научу тебя верить. И память прошлого тоже вернуть не смогу. Но если ты очень захочешь, то сделаешь это сам. И первое, Зим, и второе. Нет ничего невозможного. Есть лишь то, что ты таковым считаешь. Я уйду в свою па-

мать, а ты... Ты ведь смог поверить в свою новую силу после Гиблой тропы? Смог её обуздать? Смог стать кудесником? Так что тебе мешает поверить в то, что есть чаровники сильнее тебя? Я, например, да, – я драчливо ухмыльнулась. – Не как знающая, но как искра. Хочешь, докажу?

– Хочу! – Зим уцепился за мои слова, как утопающий за всплывшую корягу.

– Потом. Сначала – память, – повторила я и оттолкнулась ногами от стены, съезжая вниз.

Нашла укромное местечко у стены, села и закрыла глаза. И перед внутренним взором снова появился оплавленный городок. И я смотрела на него, смотрела, смотрела, смотрела до головной боли, силясь вспомнить.

Верно Снежна сказала: всё, чем владели Забытые, они позаимствовали у нас. Всё, что умели они, умели и мы. И всё, что они знали, – всё наше. И этот городок, и затмевающее разум марево – оно всё есть в нашей памяти. Надо только нырнуть глубже, и ещё глубже, и ещё...

И там...

...Стены и крыши домов, каменистые дорожки, кусты под настезь распахнутыми окнами – всё колыхалось зыбким маревом. И всё, до последнего камешка, было маревом. Бесплотным – и плотным, как перенасыщенный жаром густой, душный воздух, дрожащим – и настоящим, и протяни руку, коснись, чтобы ощутить пальцами горячее дерево.

– Думаю, хватит, – чужой голос прозвучал безликим эхом в глубоком колодце. – Ставьте метки.

И рядом с каждым углом дома появились высокие тонкие столбики, размечая землю под строительство новой улицы.

...И меня вышвырнуло обратно в пещеру.

Я жадно хватанула ртом воздух.

Пёс сидел напротив меня, склонив голову набок, а рядом с ним тарасила испуганные глазищи Вёртка.

Я слабо улыбнулась верной подруге и хрипло сказала:

– Морок. Всё-таки это знойный морок.

Да, иное обозначение домов – тут камень-дом, там камень-угол. Да, иное место – тут под землёй, там на земле. Да, иная цель чар... Но чары-то те же самые. А как Зной вывел морок из-под земли, и было ли основой хоть что-то настоящее – хоть пара домов для верности вместо огромного города, где бы народ ночевал?..

– Неужели и на вас это подействовало? – я села на пятки и посмотрела на пса. – Вы, безлетные, наверняка не раз проезжали Сердце. Ладно, люди... А вы? Неужели и вы не распознали обман?

Пёс задумчиво прищурился, встал, махнул хвостом и скрылся за ближайшим столбом. И понимай это, как хочешь.

– Ось, а подойди! – раздалось оттуда же. – Я кое-что нашёл!

Я осторожно встала, держась за стену. После погружения

слегка мутило, но память услужливо подсказала, что это скоро пройдёт. И я неторопливо побрела на голос Зима, мысленно вернувшись к своему последнему маленькому открытию.

Значит, Шамир не просто так пихает мне в напарники хладнокровное.

Значит, я всё-таки смогу кое-чему обучить и кое-что подсказать.

Значит, надо вспомнить, что люди старой крови – это в первую очередь люди, а уже потом – старой крови. И, кроме двух рук, двух ног, головы и красной крови, у нас должно быть ещё что-то общее. Хотя пока я видела между нами бездну.

И, пожалуй, для начала Зиму надо показать именно её – разницу между нами. Чтобы он понял, какие ещё силы обитают на Шамире. Чтобы воочию увидел и безоговорочно поверил.

Дурнота наконец отпустила. Я облегчённо выдохнула, обошла столб и обнаружила Зима по пояс в яме. Шамир знает, зачем, но он раскрошил каменный пол у основания столба и теперь вдохновенно что-то там рассматривал.

– Давай сюда, – знающий махнул рукой. – Пёс посмотрел и промолчал, так, может, ты знаешь.

Да, как мы потеряли способность быть людьми и общаться с хладнокровными, так и безлетные, похоже, потеряли способность общаться с нами. И, вероятно, мы для них – то же

самое, что и хладнокровные для нас. С той лишь разницей, что искр безлетные побаивались.

Я спрыгнула в яму, выпрямилась и сразу же заметила надпись. Косая вязь слов вилась по камню, будто грифелем на бумаге написанная – вмятая, неторопливая, объясняющая. И это не чары, нет. Это записка. Снова подтверждающая то, что я увидела в колодце памяти.

– Ты зачем сюда полез-то? – я искоса глянула в нетерпеливо мнущегося Зима.

– Сам не знаю, – признался он. – Подсказало что-то.

Я медленно, оттягивая время, провела пальцем по словам, повторяя изгибы букв.

Шамир, возможно ли это?.. Что *тебя* слышит *хладнокровный*? Старая кровь-то в большинстве своём забыла, что с тобой надо общаться – и забыла, как надо общаться, а люди и подавно не знали. Они верят в тебя тихо и покорно, и на этом ваше «общение» заканчивается.

Но этот...

«...не привык быть один. Не могу быть один. Мне тошно в общине. И я ненавижу одиночество. Довольна?»

Нечаянное признание, вырванное у Зима в Ярмарочном, теперь объясняло ещё кое-что – очень, очень важное. Знающие всегда в дороге, всегда в работе – и всегда в одиночестве. Даже когда заканчивается сезонная сила. Потому что ни для кого из нас община не заменила утраченную семью и потерянных друзей. Потому что даже среди своих мы до

жути одиноки.

И потому что мы и на пороге Гиблой тропы оставались всё теми же людьми, которые нуждаются в дружбе, в семье, в любви. Так я от тоски по дому начала разговаривать с Шамиром больше и чаще, чем обычно. И договорилась до того, что стала слышать его чаще, понимать глубже и чувствовать острее. И договорилась явно не я одна.

Шамир вдруг померещился снежной птицей – он сидел на карнизе, крошечный, невесомый, сияющий, склонив голову набок. И Зим добил меня внезапным:

– Ось, а кто это? Вот там, на карнизе? Откуда мы слезли?

Я повернулась и прямо сказала:

– Это Шамир.

Знающий проглотил своё извечное «что?!» и посмотрел на меня жалобно, как заблудившийся ребёнок, которому показывают верную дорогу домой, но он уже слишком устал, чтобы идти.

– Ничего, привыкнешь, – пообещала я. – Шамир решил, что ты ему нужен, так гордись этим. Но имей в виду, что работать на него придётся больше и без бутылки. И отказ он не примет.

Зим сглотнул, снова посмотрел на сияющую, дружелюбно распахнувшую крылья птицу и понятливо кивнул.

– Доконать тебя или пожалеть? – я отвернулась от надписи и с любопытством уставилась на своего новоявленного (надеюсь, лишь на время Забытых) спутника.

Знающий кашлянул и сипло спросил:

– А что здесь написано-то?

– Это старое наречие искр, – пояснила я. – Здесь говорится, что города над нами нет и никогда не было. Что морок этот сделан для отвода глаз. Его сила проводит незримую границу с запада на восток, чтобы дальше Сердца не прошмыгнул ни один Забытый или его приспешник. И если однажды город исчезнет, это будет означать лишь одно – кто-то из Забытых хотел прорвать границу и проникнуть дальше в Обжитые земли. И тогда то, что казалось городом, сменит обличье и встанет непроходимой стеной с запада на восток.

Зим моментально сделал свои выводы из содержания записки:

– То есть Сердце сотворил не Зной?

– Видимо, нет, – нехотя признала я. – Я покопалась в памяти и увидела такой же морок, который создал кто-то из старых искр. Но тогда это, должно быть, работа нескольких старых и опытных искр. Один бы такое не сотворил... наверное.

– Или всё-таки Зной? – возразил знающий вдохновенно. – Который пошёл против остальных? И который был искрой?

– Забытые, Зим, были *людьми*, – отрезала я. – *Хладнокровными*. Это единственное, что мы помним о них *достоверно*. И не только мы. Пишущие, говорящие – тоже. За безлетных не скажу – они давно замолчали. А эта записка и наши чары... Это просто помощь из прошлого от кого-то из

моего народа. В то время, пока одни прятались, другие рискнули и поставили заслон. И может быть, именно он когда-то не пустил Забытых дальше Ярмарочного.

Я замолчала и вздохнула – и с облегчением тоже. Потому что в предательство верить слишком больно. А вот в помощь... В помощь из прошлого верилось. Что кто-то из древних и мощных искр, у кого достало времени, сил и знаний, успел помочь. Поставил стену. И предупредил: *«Это будет означать лишь одно – кто-то из Забытых хотел прорвать границу»*.

– Кто-то из Забытых уже здесь... – Зим озвучил мои мысли и поёжился.

– Да. Стужа. Спорю на что угодно. Не зря же зима началась раньше положенного.

...и именно в ту ночь, когда с карты Обжитых земель исчез, породив недоумение, смятение и страх, крупный центральный острог – Сердце. Я грешила на дыхание Стужи, но... Ошибся Силен. Стужа всё-таки появилась. Но и угадал – из спячки.

Записка утратила важность, и я вылезла из ямы. Заметила пса, сидевшего у противоположно столба, и вопросительно подняла брови. Он, как обычно, не ответил, лишь улёгся устало, положил голову на передние лапы.

– Ось, – раздалось любопытственное, – а про Забытых в записке прямо сказано – что «кто-то из Забытых», или ты их так сама назвала, чтобы мне понятней было? Как их называл

тот, кто писал?

– Сама, – проворчала я. Вот дотошливый-то... – В те времена их называли иначе.

– Как? – Зим тоже выбрался из ямы и отряхнулся.

– Вернувшиеся.

И меня как накрыло осознанием – и страхом...

Где-то среди людей в самом обычном и затрапезном облике гуляет Стужа – Забытый из прошлого, явно пробудившийся, как и предполагал Силен, явно выжидающий... Что делать, если наши пути сойдутся?.. Я же с ним не справлюсь, хоть и поклялась убить... Я даже с этим безлетным не справлюсь, а по глупости и малолетству на Забытого замахнулась!..

– Здесь есть ещё что-нибудь важное? – я в упор посмотрела на пса.

Тот открыл льдистые глаза, медленно потянулся и снова расслабился, зажмурился. Видимо, нет. Но я всё же поищу. Пепел силы наверняка сохранился. Те, кто сотворил столь мощный морок, поди, порядком наследили. И я очень надеюсь, что это именно «те». Один такое не создаст... да, если это не Зной. Но в Зноя верить не хотелось. В такой роли он рушил всё, что я знала, и всё, во что верила. А мне слишком страшно, чтобы оставаться без главной своей опоры. Поэтому пока...

– А я бы ещё искал, – поддержал меня Зим и смерил взглядом следующий столб, явно собираясь устроить оче-

редной подкоп. А потом таким же взглядом смерил и меня: – Ты вроде хотела меня чем-то доконать?

Да. Разница. И древние силы Шамира. Может, это вернёт мне веру в собственные силы... Хотя в победе над тем, кто заведомо слабее, не найти ни чести, ни понимания себя. Ни уверенности в грядущем поединке с тем, кто сильнее.

Но – знающему будет полезно увидеть, какими Шамир создал первых своих кудесников. И кого повторяли те, кто творил Забытых.

Я сжала кулаки, и вокруг них вспыхнули искры. Пока неопасные, тусклые, вялые.

Зим оживился:

– Значит, ты – тот чаровник, который сильнее меня? А места нам хватит?

– Вполне, – я улыбнулась. – И мы даже ничего не разрушим.

Знающий недоверчиво хмыкнул, но трещины на его руках засияли снежным серебром, вокруг плеч завихрилась вьюга. Но, конечно, ему не хватит знаний использовать снег против меня так, как использовала бы Стужа. И, да, ещё и этому я могу его научить.

Ведь если проснулась Стужа, то и Зной... не за горами. И, зуб даю, именно тогда Забытые и проснулись – чуть больше двух лет назад. Знать бы, отчего...

– Ось, сейчас врежу, – Зим заметил, что мыслями я отвлеклась, и, кажется, обиделся.

Предупредил – привлёк моё внимание – и, да, врезал. Вьюга собралась в кулак, размахнулась и ринулась на меня. Я усмехнулась и пренебрежительно сплюнула. Струя искр поднялась стеной солнечного пламени, и от вьюги остались лишь вялые испарения.

Знающий нахмурился и поступил очень правильно – вместо следующей ненужной атаки попятился и задумался.

– Это первое, что я хотела тебе показать, – объяснила я негромко, гася стену, – разницу между чарами людей и старой крови. Разницу между тем, как используем силу мы, а как – вы. Потому что Забытые всему научились у нас. И развили в себе то, чего изначально в них не было. Что было только нашим.

Я снова сплюнула потоком искр. Зим посмотрел на свои руки и сообразил. Я продолжила:

– Вы используете сырую стихийную силу мира – либо грубо направленную, либо загодя заключённую в сплетённые чары. То, что знающим даёт Шамир, вы не трогаете – да, по себе осенней знаю, не трогаете. Этой силы едва хватает, чтобы пропитать солнцем кровь. Внутренний осколок силы в знающем – это мостик между человеком и стихиями Шамира. Поэтому все осколки силы в знающих одинаковы. Для создания чар они не нужны. Но они дают вам способность чаровать. Понимаешь?

Знающий напряжённо кивнул.

– Мы же используем силу внутреннюю. Так, – я показала

язык с мерцающей на кончике искрой. – Или так, – тряхнула головой, и искры посыпались из ушей. – Или так, – и, втянув носом воздух, выпустила из ноздрей искристые потоки. – Или так, – пристально посмотрела на рукав Зимовой куртки, и тот задымился. – Как хотим, – заключила, подмигнув. – И чары для этого нам плести не нужно – многое в нас есть уже готовое. На срочные, опасные для жизни случаи.

Знающий, прихлопнув дымок снежком, на всякий случай отступил на шаг. Будто это ему поможет...

– А вот и второе. Самое главное, – я глубоко вдохнула, понижая мощность своего солнца, – и вспыхнула.

Он инстинктивно закрыл рукой глаза, отшатнулся и едва не рухнул в собственную яму. Вёртка спасла, обвившись вокруг его ног и мягко уронив на пол. И заодно, пользуясь подходящим моментом, выполнила моё поручение.

– Твою ж душу, Ось... – Зим сердито тряхнул головой и заморгал.

– Вот и всё, – я села рядом с ним и похлопала знающего по плечу. – Считай, ты мёртв.

Он скривился, часто-часто моргая.

– Сейчас пройдёт, – пообещала я, – и зрение вернётся. Не паникуй. И глаза не три. И, да, именно так и сгорела Горда, если что. И ты бы сгорел, если бы я решила от тебя избавиться. Всего, Зим, одна вспышка. И это не чары.

– А что? – Зим снова тряхнул головой и протёр слезящиеся глаза.

– Мы называем это своим солнцем, – и на моей ладони засияло лучистое солнышко. – Вроде этого, и оно в нас... как сердце. Второе сердце. Когда нам хорошо, оно горит ровно, а когда страшно – вспыхивает сильнее. И иногда спасает, а иногда сжигает. И это то, чего у людей нет. И никогда не будет. Знающий-летник – это тот, кто погрелся в лучах солнца искры, набрался жара и наплёл из него чар про запас. Я не шутила, когда говорила, что одолею любого Мудрого. И мне хватит одной вспышки. В отличие от знающих, наша сила с возрастом и опытом увеличивается. Постоянно.

– Хочешь сказать, у Забытых это есть? – к знающему наконец вернулось зрение, и он уставился на меня со скрытым страхом.

– Капли воды, соединяясь, становятся ручейками, а ручейки – лужей, озером, рекой, – я нервно покатала солнце по ладони. – Забытые накопили столько силы, что в них появилось... что-то. Мёртвое солнце. Мёртвое – потому что Забытые не сгорают в мощных вспышках, как мы. И достаточно сильное, чтобы сжечь две трети мира.

– Кто же... – Зим сглотнул. – Кто же с вами справится?.. С искрами?..

– Хвала Шамиру, старая кровь никогда не пыталась выяснить, кто сильнее и как кого одолеть, – тихо ответила я. – Мы жили дружно и всегда поддерживали друг друга. Но у каждого народа есть что-то, что поможет одолеть ту же искру. Говорящие, например, на ты с Уводящей, и если успеют

позвать на помощь, если Уводящая захочет помочь, то искра сгорит, не успев вспыхнуть. А в любом безлетном раз в десять больше силы, чем в самой старой искре, и он возьмёт той же направленной мощью своего ледяного солнца.

– А... с Забытыми?.. – и знающий посмотрела на меня так, будто я знала ответы на любые вопросы.

– Мы постараемся, – я снова похлопала его по плечу. – И всё пока. На сейчас. Я хочу поискать следы тех, кто создавал Сердце. А тебе советую поразмыслить над одним замечательным свойством снега и льда – над тем, благодаря которому они искрятся в лучах солнца. Думай.

Вёртка уже ждала меня в тени противоположного столба. Я встала и последовала за верной подругой – мимо одного столба, второго, третьего, вглубь «города». Она не торопилась – значит, не нашла ничего ценного и важного. Но всё же хотела что-то мне показать.

«Башня» возвышалась в центре «острога» оплавленным свечным огарком – кособокая, в подтёках, в кольце из застывших капель. Выше остальных камней раза в три. И крохотная искорка мерцала в ней ярче, заметней. Бросишь случайный взгляд – искра покажется неподвижной, мёртвым насекомым, застывшим в янтаре. А понаблюдаешь – заметишь, что она движется. Осторожно, медленно, робко.

Мне терпения не хватило следить за ней, поэтому я посмотрела на Вёртку:

– Что здесь?

Пока мы с Зимом говорили об одних делах прошлого, моя подруга кое-что выяснила о делах настоящего. Подпрыгнув, она зависла в воздухе и поплыла, оставляя мерцающий след – быстрее, чем искра в камне, но явно повторяя её путь. Получился символ, которому я и удивилась... и не очень. Словно ждала, что вот-вот его увижу.

Солнце. Вечное солнце Шамира.

– Остальные искры тоже ползают? – я указала на ближайший столб.

Вёртка важно кивнула.

– Рисунок одинаковый?

Она встревожилась и метнулась к одному столбу, к другому. В считанные мгновения она сделала то, на что я потратила бы день, – крохотной молнией облетела весь «город». Вернулась ко мне и снова кивнула, выпучив от важности глазки.

Я вздохнула. Искра-искра... Как бы я ни гнала от себя болезненное понимание, сколько бы ни находила фактов против... Ты всё-таки была одна, сотворившая этот «город» и морок Сердца.

Одна.

Все искры «подписывались» солнцем, но разные руки начертят его по-разному. У кого-то больше круг получится, у кого-то меньше, у кого-то – короткие лучи, у кого-то – длинные. А одинаковые рисунки – это одна и та же рука. Я лишь надеюсь, что ты, искра, была очень-очень старой и опытной.

И долго работала над этими сложнейшими чарами. Потому что...

Нет, здесь и сейчас я не готова терять свою опору. Но я приготавлиюсь. Сдаётся мне, что та память о Забытых, которую мы сберегли, которой так гордились, на самом деле никакое не полотно. А лишь жалкий его клочок, который к тому же нуждается в серьёзной проверке. На истинность. На достоверность.

Где же мой кровный наставитель-то?.. Порыться бы в его памяти хорошенько... Вдруг хоть там что-нибудь полезное сохранилось?

Зим, судя по шумной возне, опять что-то выкапывал, но раз молчал, то безрезультатно. Я вновь растёрла по ладони искру, притягивающую к себе огрызки чар, и отправилась на прогулку по пещере. Столбы, стены, пол... Искра-творец оказалась неприятно внимательной – ни одного обрывка.

Подняв голову, я в задумчивости посмотрела на потолок. Мелкие снежинки, сияя, висели в воздухе, озаряя пещеру. Потолок... Не может быть, чтобы совсем ничего не осталось. Какая-нибудь мелочь – «нитка», «пуговка»... Из-за своей незначительности и слабости моих чар она может и не притянуться, как та, что обнаружилась в воронке. Но это не значит, что я не способна её найти.

И я её нашла. И даже не на потолке, а на карнизе. Причём в том же месте, откуда за нами наблюдал Шамир. Там, где обнаружился огрызок чар, на карнизе мерцали следы пти-

чьих коготков.

Прости, я буду внимательней... И запомню впредь, что одним делом ты делаешь несколько.

Сев и свесив вниз ноги, я растянула между пальцами тонкий полупрозрачный огрызок чар. Подняла его к снежному свету и, прищурившись, рассмотрела обрывки символов. Достала второй и тщательно изучила. Символы были те же самые. Одна рука.

Как же вовремя мы заговорили об этом – Сердце, пепел, следы... Научившись находить и читать огрызки ещё в раннем детстве, я быстро забросила этот навык – случаев не было подходящих для отработки, в мир-то меня не выпускали. И за ненадобностью он оказался запрятан так далеко, что и без Гиблой тропы я не сразу бы о нём вспомнила.

Воспоминания и знания – что запасы на зиму в кладовой. Что-то требуется постоянно – и оно всегда рядом, под рукой, а что-то – редко, и о нём напрочь забываешь. Пока не понадобится. Или пока не начнёшь делать в кладовой уборку.

Когда *очень* много знаешь и помнишь, невостребованное постоянно убираешь подальше и поглубже, чтобы не сбивало с толку. Хорошо, что у помнящих ничего не пропадает.

Вёртка, обшарив карниз, заинтересованно вытянулась столбиком рядом со мной и уставилась на огрызки.

– Никогда прежде такого не видела? – переспросила я рассеянно, пристраивая огрызки на колене. – Хочешь понять, как они получаются? Ну, для начала такие штуки остаются

после очень-очень сильных чар. Из моего? – я весело хмыкнула в ответ на молчаливый вопрос. – Нет, я ничем сильным не владею. От моих чар остаётся один след – волна тепла, которую чувствуют и ощущают всякие «недо-» и прочие звери. А она со временем рассеивается в мире и становится частью Шамира. А вот мощные чары...

Я задумалась, подбирая понятные образы, но нашла лишь один – да, понятный, но неприятный. Особенно для Вёртки как для особи.

– Мощные чары на раз-два не создашь, – объяснила я. – То есть... они помещаются в эдакое... тело. Их надо много, и силы надо много. И быстро, – на моей ладони снова вспыхнула солнце, – вот так, например, их не сделаешь. Они плетутся, как те же сезонные руны чаровников. Долго готовятся. Но знающие хранят их на коже, а искры... – я запнулась, но Вёртка уже поняла.

Её глаза вспыхнули ярко-ярко, сердито-сердито.

– Да, – сдалась я. – Такие чары носит или «хвост», или «крыло». Или все вместе. А когда они срабатывают, остаётся вот это, – я осторожно коснулась огрызков. – Кожа. Ваша. И на ней сохраняются следы как... ожоги. Хотя искры, чтобы не расстраивать своих спутников, называют их клочьями чар. И далеко не все из вас знают об этом способе.

Вёртка посмотрела на меня очень жалобно. Сияющие солнышки глаз – на мокром месте.

– Нет, – успокоила я, – я с тобой так не поступлю. Это...

бесчеловечно. Но да в старых искрах, говорят, человеческого оставалось мало. Долгожительство развивает силу и опыт, но сжигает душу.

Моя подруга вытянулась и боязливо коснулась кончиком хвоста тонкой кожицы. И сразу же отдёрнулась, и её глаза стали ещё грустнее.

– Да? – я нахмурилась. – Узнаёшь своих? Значит, искра.

...и чтоб ей икалось посмертно за такое обращение с друзьями...

– Сможешь теперь понять, как их находить, эти... ключья? – я посмотрела на Вёртку.

Подруга сосредоточенно начертила кончиком хвоста несколько непонятных символов, покрутилась на месте, снова что-то начертила и возбуждённо кивнула. И сразу же метнулась молнией прочь – опробовать новые чары. А я снова подняла оба лоскута к свету и прищурилась, разбирая символы. Знойными мороками мы не занимались слишком давно. Можно попробовать изучить эти чары в дороге, между делом.

«Хвост», одно «крыло»... или два «крыла». При сильной искре обычно находилось три паразита. Остался третий. Не факт, что здесь, в подземелье... но поиски покажут.

Я присмотрелась, заметила рядом с «башней» Зима, очень чем-то своим занятого, и по верёвке спустилась вниз. Пёс по-прежнему дремал и явно не собирался уходить, то есть в других пещерах Сердца больше делать нечего. Ему. А у

меня осталось одно дело. Нет, два. Раз уж мы так глубоко забрались, это тоже надо использовать.

У ближайшего же столба я остановилась и прижала ладонь к камню. И он, как живой, прильнул ко мне тёплым боком. Ещё тёплым – но уже остывающим. День-два, и искры погаснут. Чары умрут. Камни осядут. Пещера обрушится. И на древнее волшебство не останется даже намёка. Лишь наши воспоминания.

Я закрыла глаза и позвала искру. В сильные чары, говорил дед, искры вкладывают душу. И поэтому иногда они отзываются. Что-то в них хранится – не то частичка души, не то её отражение. И если в чарах осталась хоть капля силы, если подобрать нужные слова, если очень захотеть *услышать*...

Ладонь обожгло, и я снова рухнула в колодец.

...Ветер гнал по выжженной пустоши облака пыли. Солнце, скрытое мутной пеленой, светило тускло и багрово. Зной в перегретом воздухе давил, душил, сжигал.

Хорошее место. Открытое. Просторное. Но люди должны его покинуть. Лишь тогда здесь появится новый город. Обманный. В вечном тепле даже зимой, с земляными постройками для отвода глаз. Правда, от гор далековато... Но лишь здесь пока нет меток вернувшихся. Поставь стену там, где есть хоть одна, – разорвёт чары, гиблой гнилью разьест до прорех.

Пусть далеко. Лучше спасти меньше, чем совсем никого.

...Жаль «крылья». Но парни сделали свой выбор. Был ли другой способ? Они знали, что нет. И всё решили сами. И я всю жизнь буду жалеть об этом – и о том, что позволил себя убедить, и о том, что не смог придумать ничего лучше. Но вот «хвост»... сберегу. Понял? Даже не дёргайся. Больше сложных чар здесь не будет. А с простыми я и сам справлюсь.

Тише, дружище. И на твой век хватит подвигов.

Ничего ещё не закончено. Полмира в руинах – но всё только начинается.

...Время замерло.

Утро, день, вечер, ночь...

Дни затянула пыльная завеса, жизнь стала пепельно-мутной, солнце – бесконечно багровым. Всё потеряло смысл, кроме одного – последнего вернувшегося. Он петлял, как перепуганный заяц, и мне никак не удавалось его догнать.

Паутина дорог снова и снова ложилась под ноги. Пути расползались безликими и беспомощными тенями. Она послушно приводила туда, куда нужно – но всегда поздно.

Слишком поздно.

Шамир жался к моей руке перепуганным щенком – мелким, глупым. Сначала изорвал всё в клочья и лишь потом испугался. Я старался сердиться на него, но не мог.

Он ведь ещё такой молодой, наш мир. Старый годами, но юный делами. У него нет самого главного – свободы. И жиз-

ни. Мы учимся на своём опыте каждый день, ошибаясь, делая выводы, снова пробуя. У Шамира такой возможности нет и не будет, ведь каждая его ошибка – всегда катастрофа для живых существ. Он может только наблюдать.

Теперь он это понимает. И скулит, что больше так не будет.

Вероятно.

Но нам и этих бед – с лихвой. И даже более чем.

...Опять остывшие следы. Мёрзлые. Мёртвые. И очень давние.

Похоже, тварь всё-таки спряталась. Залегла где-то в пределах. Поняла наконец, что я не отступлюсь. Решила выждать. И – кто дольше протянет, у кого больше запас жизни.

Но ничего. Если я не успею, моё дело продолжат потомки. Беспомощными жертвами искры больше не будут.

Стужа – так его уже называют в народе. И под таким именем запомнят. И под этим же именем он вернётся. Снова.

В прошлом же его звали...

– Ося! – орало на ухо.

– Твою мать, Зим!.. – рявкнула я зло. – Ты нарочно, что ли?!

– Конечно! – не понимая сути, огрызнулся знающий. – А как иначе до тебя докричаться! Нашла, где и когда спать!

Я села и протёрла глаза. Конечно, я лежала. Конечно, у

столба. Конечно, я казалась спящей.

– Не твоё дело, где и когда я сплю! – в моей ладони яростно вспыхнуло солнце. – Ещё раз разбудишь – спалю к Забытым, понял?!

Зим отшатнулся:

– Ты чего это?..

– Я не сплю, глупое ты хладнокровное! – я сердито сверкнула глазами, и куртка на знающем задымилась. – Я *вспоминаю!* Или, может, ты и этого не знаешь – почему искр называли помнящими? А?

– Вы – хранители всей памяти Шамира, – нервно протаторил Зим. – И можете вспомнить всё что угодно. Что случилось с любой искрой. Это мне Травна написала, – добавил виновато.

– Вот и представь себе, что именно сейчас, через последнюю искру в чарах, я почти вспомнила, как на самом деле звали Стужу, – едко поведала я. – Но ты разорался, и я проснулась. И живи теперь с этим всю жизнь, болван! И получится ли сно... – я обернулась к столбу и замолчала.

Искры погасли. Все.

– Она к тебе в руку прыгнула, я видел! – снова зататорил знающий. – Я ещё и поэтому, в общем...

Я быстро осмотрела руки и выдохнула с облегчением. По левой ладони расплывалась угольно-чёрная многолучевая звезда. Я провела по ней пальцем, и она подмигнула робкой искоркой. Хвала Шамиру, прицепилась... Значит, есть

шанс досмотреть воспоминание.

– А зачем ещё? – спросила я устало. – Почему – «и поэтому»?

– Вот, – он поспешно вытянул из кармана куртки цепочку. – Покопался. В пятой, что ли, яме было... Это не его – не создателя? Похож на наши «имена».

Я взяла амулет и протёрла его рукавом. Многогранник, весь во вмятинах, пара уголков сбита, ледяной на ощупь – но я его узнала. Как узнала и материал – серебристое стекло. Амулет искры.

– Сначала такие штуки появились у нас, у старой крови, – я снова тщательно и осторожно протёрла находку Зима. – Но из-за Забытых носить их стало опасно, зато «имена» появились у знающих – благодаря всё тем же безлетным. Мы, однако, носили амулеты не для имени – а для обозначения себя, то есть к какой ветви старой крови принадлежим. Имена на амулетах точно писали все говорящие. А остальные – по желанию. И здесь...

Я снова запалила солнышко. Зим боязливо попятился и бочком-бочком придвинулся ко мне, юркнул за мою спину. И заинтересованно вытянул шею, уставившись на свою находку. А я вертела амулет и шурилась, пытаюсь разглядеть среди вмятин и трещин имя. И нашла-таки.

– Ну что? – оживился знающий, когда я сунула амулет в карман штанов.

– Ясен, – тихо ответила я.

– Это же парень из твоей сказки, – сразу сообразил Зим. – Который из искр с неба... ссыпался. Но он же... выдумка?

– Видимо, нет, – отозвалась я ещё тише. – Видимо, он всё же существовал. И, видимо, именно обрывки его воспоминаний я недавно увидела.

– А что там... ну?.. – он замялся.

И пусть помучается. Такое знание из-за него упустила...

– Обманный город из пыли и зноя, – я пожала плечами. – Вечная жара даже зимой и земляные временки для ночлега вместо Сердца. Долгая охота за Стужей. Ясен, кажется, был не из тех, кто убегал и прятался. Он выслеживал Забытых. Стужу – точно. И точно знал, что Стужа залегла в спячку, – поколебалась и добавила: – И всё-таки Стужа – это мужчина, да. И Ясен откуда-то знал, как его зовут.

Зим опустил глаза и пошёл красными пятнами.

– Не обещай, что больше так не будешь, – сухо предупредила я. – Просто *не делай*.

– Прости, Ось, – искренне попросил он. – Я учту.

Меня качнуло. Два погружения подряд, пожалуй, слишком... Я опёрлась плечом о столб и неожиданно для себя общила:

– Меня зовут Верна. Осю придумал мой наставитель, Ветрен, когда я ещё плохо соображала после Гиблой тропы. И она меня раздражает. Как собачья кличка.

– Верна... – повторил Зим. – Спасибо. Я, к сожалению...

Как говорил Силен, лучший способ прийти в себя – на-

чаровать что-нибудь интересное. И с меня не убудет. Наоборот, работа с кровью, хоть и то же погружение, придаёт сил.

– Это можно вспомнить, – я протянула руку. – Забывают голова и душа, не кровь. Я восстановила часть своей памяти через собственную кровь. Хочешь, в твоей покопаюсь? Пока мы здесь? Это довольно сильные чары, и лучше ими заниматься под землёй.

– Ты меня простила... – с облегчением улыбнулся знающий. – Я, правда, больше не... Да, хочу.

– Нет, не простила, – на моих пальцах появились искиры-колючки. – Но у тебя есть и память, и мозги. И мне хочется верить, что ты небезнадёжен. Надо только знаний набраться. Сядь. Кровь пуцу.

И уселась на пол первой. Зим сразу плюхнулся рядом и любопытственно протянул руку. Из-за столба обиженно пискнула Вёртка: мол, а я-то зачем кровь брала? Ничего, мысленно объяснила я, может, ещё пригодится. И как напро- рочила... зло.

Кровь Зима не показала ничего из старого прошлого. Ни- че-го. Я раз за разом погружалась в образы, но видела лишь бесконечную череду лиц знающих или обитателей Солнеч- ной долины. И лишь раз подобралась близко к воспомина- ниям о Гиблой тропе, но вместо новых образов – сплошная снежная пелена. Снег стоял стеной и не пропускал дальше.

Я вспотела, взбодрилась, устала, снова взбодрилась, вновь устала, но пробиться через снежную круговерть к памяти

прошлого так и не смогла. Её словно не существовало.

Но ведь так не бывает!

– Ну что? – донёсся издалека голос Зима.

Я открыла глаза и мрачно признала своё поражение:

– Ничего. Твоя память сокрыта. Или стёрта. Не знаю. И не понимаю, как это возможно. Ты вообще ничего не помнишь?

– Мне тоже всегда казалось, что со мной что-то не то, – знающий хмуро качнул головой. – Все вокруг меня понемногу вспоминали – кто старое имя, кто семью, кто родной город... Через три-четыре года, но хотя бы имя всплывало. А у меня...

– ...снег, – я спалила остатки крови и отряхнула руки. – Стеной. И не ври мне теперь о пределах Забытых и мечте детства. Зачем тебе туда надо? И не там ли ты погиб, а?

Зим опустил глаза и глухо произнёс:

– Там. На перевале, недалеко от пределов. Это правда. И, наверное, всё же от любопытства. Там я очнулся после Гиблой тропы. И...

– Ну-ну? – я заинтересованно прищурилась: остро запахло новой тайной.

Знающий помедлил, а потом быстро стянул с себя куртку, расстегнул рубаху и стащил её с плеча:

– Вот. Любийся.

На белой коже под ключицей льдисто поблёскивала... карта. Я подседа ближе и присмотрелась. Припомнила карту Обжитых земель и поняла, что нет, этот отрывок явно

не отсюда. Две вертикальные черты рядом, полукруг третьей сверху, над ними... Горы, явно. И «верхние» горы находились не на севере, а на юге. Клочок земель по ту сторону наших безымянных гор. Пределы Забытых.

– Это я нашёл, когда очнулся, – пояснил Зим. – Не знаю, откуда она взялась. Не знаю, кто её сделал и зачем. Но раз она есть, то куда-то ведёт. И я очень хочу узнать, куда. На Обжитые земли непохоже – значит, пределы.

– А почему раньше туда не ходил? – я выпрямилась. – В пределах не так жутко, как говорится в сказках. Порождения чар Забытых, конечно, встречаются, но редко. Искры давно извели большую часть гадости, испытывая новые чары.

– Страшно было, – он поморщился и натянул рубаху на плечо. – Без силы-то я человек. Зимой работы навалом, а потом – ни капли чар. А просить кого-то... Объяснять придётся. А об этой карте даже наставительница Снежна не знает. Никто не знает.

– И правильно, что скрыл, – одобрила я и встала. И верно, полегчало после работы с кровью. – Ладно. Давай на выход. Всё, что мы могли здесь найти, нашли. Есть хочу.

– А есть? – оживился Зим.

Я вспомнила, где бросила вещи:

– Немного. По дороге сгрызём.

И помыться хочу, да. Всю ж пещеру на карачках проползла... Рубаху и штаны – только выбрасывать. Но прежде – в сугроб.

Пёс уже ждал нас у входа-выхода. Мы шустро собрались и, напоследок оглянувшись на пещеру, отправились за безлетным. И обратный путь не заметили, истребляя мои припасы. А пока рот Зима был занят едой, я напряжённо обдумывала его тайну. Скрытая память, карта пределов... и Шамир, конечно же. То, что он видит Шамира, очень важно. И, кажется, у меня есть тому объяснение.

«Если я не успею, моё дело продолжат потомки...»

Если дело Забытых дожило до наших дней, то почему бы не дожить делу Ясена? Он ведь тоже мог собрать группу тех, в ком желание помочь Шамиру было сильнее страха. И они тоже могли передать дело потомкам. А потомки – всплыть сейчас, подобно мне рассмотрев в тених на снегу следы новых старых Забытых. И кто-то из них мог вернуть Зима с Гиблой тропы. Чтобы дать знающим ключ. К чему? Сходим – проверим.

Хотя... К Зиму, скорее всего, приложил руку безлетный. Снег покровом на памяти, ледяная карта на коже, глаза хладнокровного, способные видеть то, что не видят ни пишущие, ни говорящие, да и не каждая искра заметит... Что-то ещё есть в нём, кроме карты. Или в карту вшиты чары, которые мне ни за что не распознать. А вот искре постарше... Ладно, об этом я думать не буду. Пока. И без того голова кругом.

Однако безлетные, истинные знающие, конечно, были на стороне Ясена и Шамира. И хоть так смогли оставить подсказку.

Ух, хочу в пределы, хочу-хочу-хочу...

Но сначала всё-таки зачарованная стена. Нет, сугроб. Нет, стена, в туманном кольце же нет снега.

– Зим, а стена видна?

– Не-а. Никто не видел. Только ощущали чары и не могли пройти. Упирались во что-то. Ну и чары её не брали.

Никто не видел – а я увидела. Как искре не увидеть работу искры?

Стена тянулась с запада на восток, в версте от воронки. Стена – это водопад мелких искр, льющихся с угрюмых утренних небес, и его край был так высоко, что не рассмотреть.

Зим тоже попробовал пройти, причём с разбега и с какими-то чарами, но бодро отлетел обратно, с «душой» и «матерью» приземлившись в ледяную грязь. Я же рисковать не стала. А вдруг пройду. Или чары на меня непредсказуемо подействуют. Или я – на чары. И по-прежнему на всю округу – ни одного обработанного камня.

– Я иду обратно, – сообщила, развернувшись. – К Норову и псу.

– А я ещё попробую, – предсказуемо решил Зим, потирая ушибленное седалище.

– Тогда до встречи у саней, – я оправила грязную шубку. – Но если вдруг не застанешь, то я в сугробе. Моюсь. И чтоб не подсматривал!

Знающий смерил меня насмешливым взглядом и много-

значительно фыркнул. Да, этот мой облик такой же страшный, как и все нынешние. Но знал бы он, *как* выглядят искры на самом деле... И так хочется верить, что Силь прав и однажды ко мне вернётся моё лицо...

Я бросила тоскливый взгляд на стену искры, развернулась и побрела обратно. Помыться, переодеться, почистить верхнюю одежду и обувь, поспать... Прimitивно, но сейчас я поняла, что готова всю жизнь жить по такому простому плану, лишь бы не было никаких Забытых. И лишь бы мы сейчас справились.

Пёс уже вернулся в своё тело и грел Норова. Который, впрочем, и так не замёрз – моя искра давала много тепла. Зато он проголодался, соскучился и рвался на подвиги. Я согрела извозчику харчи из Гостевого и предупредила, что мы ждём Зима. И бегом, разгоняя усталость, поспешила в вожделенный сугроб.

И, отмывая себя снегом, остро ощущая, как разгорается кровь и вспыхивает внутреннее солнце, я впервые задумалась о том, была ли в искре такая реакция на холод изначально. Или её вложил в нас – в прежних нас – Шамир, чтобы мы могли противостоять Стуже?

Если так... то среди почитателей Забытых были и безлетные. Наверное. Но то, что сейчас они, истинные знающие, молчат...

Говорящие, пишушие, поющие... молчащие?

Весна – пора будущего: тает снег, определяются работы –

и составляются примерные планы, предсказываются пишущими вероятные дела. Лето – пора настоящего, это работы и песни, ведущие и облегчающие путь. Осень – пора прошлого, обсуждения, бесед, воспоминаний и метких уточнений, помогающих и прошлое понять, и настоящее с будущим через прошлое. А зима? Всё-таки вневременное молчание?

И снова же впервые я задумалась: как ещё называли безлетных? В них тоже должна быть сила – и направляющая чары, и защищающая от них же. Может, это молчание – касающееся тех знаний, которые они хранили в себе со времён собственного сотворения? Может, никто, кроме них, не должен *знать*?..

Или их молчание – что «островки» в крови помнящих. Не то Шамир *запретил* им рассказывать... не то самим не хочется. А о чём не хочется говорить и вспоминать, от чего хочется спрятаться – в теле пса, в облике вестника или на Гиблой тропе, подальше от живых? О том, за что стыдно. А коль так... то безлетные в деле. И тогда карта на коже Зима обретала такой же смысл, как и активность направляющего меня Шамира. Они не смогли остаться в стороне... ибо виноваты.

Зим сказал, что он среди знающих лет пять – и уже с картой. Тот, кто её сотворил, узнал обо всём раньше Шамира и оставил предупреждение. А кто мог предупредить? Кто точно знал, что скоро кое-что завертится? Да, безлетные – как истинные знающие. Или те, кто следовал за Ясеном. Или...

А если это ключ не к правде, а к западне? И сделал её
Стужа? А мы найдём и...

Ух, мама-мамочка...

Глава 4. Чёрная метель

Зим, нарвавшись на солнышко, теперь вёл себя тише воды ниже травы. Не лез с вопросами и не лез вообще, хотя искрить продолжал исступлённо и по любому поводу. Меня это устраивало. По дороге до Гостевого я всё обдумала, поняла, что путаюсь в собственных домыслах, выпалась, снова подумала – и снова поняла, что в моих догадках слишком много неизвестных. И особенно выбивала из колеи внезапная третья сила.

Есть Забытые и их прихвостни с вполне понятными целями.

Есть мы, старая кровь, и Шамир – тоже с понятными целями.

Кто же третьи? И каковы их цели – всё-таки?

Если они тоже хотят защитить Шамир, то почему прячутся? И почему Шамир их от меня прячет? Это же проще простого для него – переплести наши пути-дороги. Встретиться, познакомиться, обсудить прошлое, обменяться знаниями, наметить планы на будущее...

А может, пока рано. Пока мы далеки друг от друга. Но – придёт время...

Кто же вы, кто?..

Кто же ты, Ясен, – на самом деле?.. Древняя искра? Или

тот самый знающий, решивший не восстанавливать связи? Оставшийся лишь в легенде, которую ты сам же и придумал? А не маловато ли сил – за Стужей-то гоняться?

И следующей мыслью – потянет ли, например, Силен Стужу? Я вспомнила его работу, перебрала всё, что знала о своём бывшем наставителе, и признала: нет, не потянет. Потому что Стужа «собран» из нескольких безлетных и вряд ли боится солнечного огня, как ездовой пёс. Поэтому... нет, не потянет. Зверя – да, правую руку – может быть, Забытого – нет. Как и никто из нас.

Так кто же вы?..

И не тебя ли, Ясен, боялись все эти «недо-», затирая свои следы «воронками»? Не из-за меня же они в «воронках» поголовно. И вряд ли из-за искр. Никто же не знает, на что мы способны – со времён Забытых искрящих не видно, не слышно. И сейчас, оглядываясь назад, я понимала: «недо-» выходили на дело *слишком* готовыми. Точно знали, что по их следу наверняка пойдут некие умельцы.

Да и «потеряшка» – не твоя ли?

Эти вопросы мучили меня вплоть до Гостевого, даже во сне снились. Зим при первом же случае довольно сообщил, что я разговариваю во сне и задаю Шамиру очень увлекательные вопросы. Я помрачнела и приуныла.

А потом помрачнел и приуныл знающий. Потому что у врат в Гостевой я сообщила, что они с Норовом остаются здесь. А я отправляюсь в Ярмарочный. По делам. Зиму там,

понятно, делать нечего, даже в сменном обличье. И Норову перед долгой дорогой к горам хорошо бы отогреться и выспаться. Или кое-кому помочь, ежели совсем неймётся.

– А мне чем заняться? – забрюзжал Зим недовольно.

– А ты вообще-то знающий при сезонной силе, – напомнила я не без злорадства. – У тебя гора работы. Или, думаешь, людям в окрестных деревеньках не нужны тропы? Или, думаешь, все успели укрыться в городах? Когда зима началась на десять дней раньше срока? Когда здесь не все города рассчитаны на дополнительное население? А?

Он вздохнул, помянул любимую душу и покорно кивнул:

– Ладно. Как найдёмся?

Эк уж наострился на совместные поиски...

– Вёртка отыщет, – я мысленно попросила верную подругу показаться и, опережая искропад запоздалых вопросов, припечатала: – Истории о паразитах Шамира – потом. Она тебя найдёт, и ты поймёшь, ждать меня на месте или следовать за ней. Всё.

Зим снова кивнул, но посмотрел так грустно... Наверное, впервые в его однообразном и тоскливом существовании появилось интересное дело, и нате...

– Попутного мира, – я махнула рукой. – Я ненадолго.

Найду Добру, поищу в Ярмарочном пепел силы – и в путь по линии Зноя. А то так в пределы хочется... У меня же тоже наконец-то появилось интересное дело. И в пределах Забытых я пока ни разу не была, только карты жадно изучала,

когда находила.

От Гостевого до Ярмарочного недалеко – полдня пешего пути. Пёс без усталости летел вперёд, и дневной переход от Сердца до Гостевого мы одолели быстрее быстрого – менее чем за полдня. А в поздних сумерках я уже просочилась в Ярмарочный, прибившись к толпе торговцев и закутавшись в простейшие невидимые чары.

Конечно, на санях было бы быстрее. Но я остро нуждалась в одиночестве и всю дорогу с удовольствием наслаждалась тишиной – и молчанием Шамира тоже. Он и вперёд меня не толкал, и с пути не сбивал. И, хоть и «сообщил» после короткой схватки с Гордой, что в Ярмарочном делать нечего, возвращаться не мешал. Вероятно, у нас и правда есть немного времени – до того, как. И мне Шамир тоже даёт небольшую передышку.

Жизнь в Ярмарочном уже текла по прежнему руслу, и лишь пустой дом старосты напоминал о том, что здесь недавно случилось. Пустой – совсем, все домашние съехали. И Добра, к моему огорчению, тоже. Исчезла. Почти бесследно.

Вёртка легко просочилась в щель у порога, открыла изнутри дверь, и я первым делом бегом бросилась к комнате служанки, уже понимая – не застану. Тёмные окна, остывшие стены, ледяные коридоры, оглушающая пустота заброшенности – конечно, безлетная тоже ушла. Но предчувствие (или нежелание признать поражение) гнало на поиски – и я нашла её пустую комнатку. Ни полотенца на крючке, ни ша-

ли на продавленном кресле, ни даже одеяла на узкой кровати.

Поздно. Надо было сразу расспрашивать. Хотя... Решила бы она рассказать – рассказала бы сразу. А Добра смолчала. Молчащие, чтоб их...

Я разочарованно закрыла дверь и оглядела коридор. Нет, с пустыми руками я отсюда не уйду. Не люблю тратить своё время и силы зря. Обитатели жильё покинули – но всё ли они с собой забрали? Вряд ли. Слишком уж большой дом. И вряд ли жители города сюда сунутся.

И вообще, это дом искры, да. И староста Ярмарочного должен мне денег как знающей.

С этими мыслями я тщательно обшарила дом и нашла уйму полезностей. Сменила старую одежду на новую, подогнав её под себя простенькими чарами. Подобрала смену белья, дорожное одеяло и вместительную сумку. Совершила набег на кладовую и запаслась едой. Я-то немного ем, но оба моих спутника весьма прожорливы, а заботятся о своём пропитании из рук вон плохо.

И, конечно, деньги: Вёртка нашла старый тайник, который мы сообща подчистили. И, конечно, мелочи: писчие принадлежности и прочее. И, конечно, отдых: последний раз я нормально ела и спала на хуторе, перед событиями в Ярмарочном. Пора передохнуть. Мало ли какие впереди ждут «подарочки»...

Собравшись и плотно перекусив, я по наитию снова загля-

нула в комнатку Добры и невольно улыбнулась. Нет, не зря пришла... На оконном стекле в морозных узорах явственно проступило: «Ложись спать!» Разумеется, она знала, что я вернусь. И, может быть, оставила послание.

Я затворила дверь, бросила сумку на сундук и раскатала на тюфяке одеяло. Разулась, растянулась на животе, обняла старую Добрину подушку и моментально уснула.

И сразу же проснулась.

За окном редела вьюга. А в старом продавленном кресле у окна сидела Добра, кутаясь в длинный шерстяной платок и беззлобно ухмыляясь:

– Что, девка, всё правды ищешь?

– Это плохо? – я села, скрестив ноги.

– Смотря как пользоваться её хочешь, – безлетная прикрыла глаза.

Я помнила их выцветшими, а сейчас они искрили холодным голубым льдом.

– У меня лишь один путь – помогать Шамиру, – сказала я твёрдо.

– А вот и нет, – снова усмехнулась Добра. – Я знаю, и ты знаешь тоже. Я сразу это увидела – что ты не благословлённая. Рукодельная. И покамест не ведаю, для чего.

Мне вдруг стало страшно – до мурашек, до липких ладошек.

– То есть... как это – для чего? – я запнулась. – Нас не просто... создавали? Но и... направляли?

– Конечно, – кивнула она. – У каждого рукодельного свой путь предателями прописан и указан. И ты ещё так рвануть можешь, искра, по чужому-то наущенью... Ох, не поздоровится ж нам тогда!

Я вспотела, облизнула пересохшие губы и выдавила из себя:

– Но со мной же Шамир... Он же меня закрыл ото всех...

– Потому-то и говорю с тобой, – Добра откинулась в кресле. – Вижу его рядом – то шаг в шаг за тобой верным псом, то впереди. Потому-то и говорю. Но хватит ли его сил, чтоб помешать предначертанному?

– А у меня своё пророчество, – я вовремя вспомнила о Мирне. – Меня ещё до Гиблой тропы... определили с делами.

– Ну-ка, ну-ка? – заинтересованно прищурилась безлетная.

Я торопливо и сбивчиво выложила всё как на духу. Добра выслушала, снова расслабилась в кресле и закрыла глаза. И в комнате надолго повисла тишина – и я слышала лишь стук своего сердца да голодный вой выюги за окном.

– Зачем искала?

Я с трудом собралась с мыслями:

– Ну... Узнать, что вы помните о Забытых, – и по наитию быстро спросила: – Или вы, молчашие, ничего никогда никому не расскажете? Вы просто храните, а ключей к кладовым своих знаний не имеете?

Добра улыбнулась, и светлые глаза заискрились, как лёд на солнце:

– Хорошая попытка, Верна. И правильная.

Я точно помнила, что не называла ей свое имя, но – знающие... И связи между ними, и общая для всех кладовая знаний. И наверняка она лучше нашей – безлетным не надо ни клады раскапывать, ни вёдра в колодцы запускать, ища и вытягивая необходимое. Быстрая мысленная передача – и каждый безлетный уже знает обо мне всё, что успел узнать ездовой пёс.

– Зря я пришла, да? – я разочарованно наморщила нос.

Добра тихо хмыкнула и в одно мгновение оказалась рядом со мной. И стала похожей на ездового пса – мерцающей, в облаке снежных звёзд.

– Нет, не зря, – она положила на мою голову ледяную ладонь. Голос безлетной отдалился, пропало легкомысленное просторечие: – Я смогу кое-что тебе передать, но сейчас ты это не увидишь. Но однажды вспомнишь – как вспоминаешь свою прошлую жизнь или жизни своих предков. Закрой глаза. Впусти меня.

Я зажмурилась и расслабилась. По макушке разлился ледяной холод, перед внутренним взором замельтешили снежинки. Они сплетались жгутами, завязывались узлами, рассыпались морозными узорами, снова сплетались... Меня замутило, и я едва вытерпела. И как только ладонь исчезла, рухнула на постель и выдохнула:

– Спасибо...

– И не спрашивай, зачем мы храним то, чем не попользоваться, – Добра вернулась в кресло. – Мы знаем. И мы умеем передавать частички нужного знания достойным. На время. Без нужды оно забудется. Навсегда. И никто, кроме тебя, его не получит. Не зря приехала. Но поутру уезжай. Здесь делать больше нечего.

«...а вот в другом месте понадобится твоя помощь», – услышалось эхом замолчанное.

Я встревожилась.

– Где? – и резко села. – Когда?

– Спи, – Добра улыбнулась. – Есть ещё времечко. Спи, Верна. Отдыхай. Не опоздаешь.

– Подожди, – попросила я. – Сколько вас вернулось? Этот звездопад... Это же возвращение?..

– Не совсем, – ветер за её спиной шевельнулся, тревожа старые занавески. – Не жди, что нас будет много. Нас и не было никогда много. Но прежде мы умели находиться одновременно в разных местах, распадаясь духом на десятки снежинок. Мы потеряли эти чары... как вы когда-то потеряли песню. А теперь Шамир нам их вернул. Только и всего. И это даст нам время. Но если мы не воспользуемся им с толком, то заплатить придётся дорого. Ты знаешь.

Я кивнула.

– Мы присматривали за Шамиром и за вами столько, сколько существуем на свете, – Добра вздохнула, и её лицо

размыли подвижные снежинки, оставив лишь ледяное сияние мудрых глаз. – Но *такой* беды не ждали. Мы виноваты перед вами, Верна. И не останемся в стороне. Мы будем повсюду, и наш дух не поразить. А тела, как ты наверняка знаешь, нам подходят любые. Но долго жить вовне, в распаде, нам нельзя. Не тратьте наше время попусту.

Да, наверное, *взаимы*. Ибо у нас *таких* сил нет и никогда не будет. После безлетные уже ничем не смогут помочь – выдохнутся. И нам действовать дальше и за себя, и за них. И как бы и не за Шамира – как бы и его помогающие чудеса не иссякли вместе с силой да в самый (не)подходящий момент.

– А Стужу вы поймать сумеете? – меня не на шутку беспокоил этот вопрос. – Или найти? Или... Вы же знаете, он уже здесь. На Обжитых землях.

– Боюсь, что нет, пока Стужа не войдёт в силу и не сотворит что-нибудь очень показательное. Пока сила не разойдётся от него кругами. Если бы не это... давно бы поймали. Ещё тогда. Но мы постараемся. И дадим вам время – вспомнить, понять. И, может быть, найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.